

АЛБИНА НУРИСЛАМОВА

**ЦЕНА
ВОПРОСА**

Альбина Нурисламова
Цена вопроса (сборник)

«Татарское книжное издательство»

2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2Рос=Рус)-4

Нурисламова А.

Цена вопроса (сборник) / А. Нурисламова — «Татарское книжное издательство», 2016

ISBN 978-5-298-03107-3

Тёмные силы вторгаются в привычную жизнь обычных людей, принимая разные обличья: прекрасной девушки, мирных жителей приморского посёлка, заботливой мачехи... Каждый день оборачивается кошмаром, которому, казалось, нет конца. Смогут ли герои противостоять силам мрака и сохранить главную ценность – бессмертную душу? Кроме остросюжетных мистических триллеров «Морок» и «Каменный Клык», в новый сборник казанской писательницы Альбины Нурисламовой вошли несколько рассказов.

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2Рос=Рус)-4

ISBN 978-5-298-03107-3

© Нурисламова А., 2016
© Татарское книжное издательство, 2016

Содержание

Вербер и Это-Самое	6
Утро Савельева	16
Цена вопроса	20
Морок	22
Часть первая	22
Глава 1	22
Глава 2	24
Глава 3	28
Глава 4	32
Глава 5	35
Глава 6	38
Глава 7	42
Глава 8	46
Глава 9	49
Глава 10	53
Глава 11	57
Глава 12	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Альбина Равилевна Нурисламова

Цена вопроса

© Татарское книжное издательство, 2016

© Нурисламова А. Р., 2016

Вербер и Это-Самое

Он понял, что оставил ключи в квартире, только когда подошёл к двери, снял с плеч ранец и сунул руку в маленький внутренний кармашек. Тот был пуст. «Может, порвался, и ключи провалились в дырку?» – мелькнула робкая надежда. Но никакой дырки, конечно, не было. Как не было и ключей – ни в многочисленных отделениях ранца, ни в кармане куртки.

Отошёл от двери, снял шапку и сел на ступеньку. Сидеть под дверью собственной квартиры – это уж, как сказала бы мама, просто смешно! Она всегда так говорила, если с ней приключалось что-то особенно обидное. Вот, например, вчера пришла с работы домой и обнаружила, что ей в магазине на сдачу вместо пятисотрублёвой бумажки дали сотенную. Мама сказала: «Нет, ну это уж просто смешно!» – и ушла в ванную плакать. И без того им вечно денег не хватает, а тут ещё такое!

Колька сидел и набирался храбрости. Нужно пойти за ключами к маме на работу – именно пойти, а не поехать, хотя и далеко, и холодно: с утра было минус пятнадцать. Карманных денег на проезд – четыре остановки на автобусе – не хватит: он сегодня в столовой купил два пирожка с яблоками и апельсиновый сок. «Если бы один пирожок купил, – злился на свою прожорливость Колька, – то хватило бы на билет».

На работу к маме нужно обязательно: не ночевать же на лестнице. Она сегодня домой не вернётся, у неё дежурство. Мама – диспетчер в такси «Радуга», работает сутки через двое. Колька представил себе, как придёт в мамин офис, она увидит его и сначала ужасно перепугается, а потом поймёт, в чём дело, и примется ругать. «Я тебе тысячу и один раз говорила: всё должно быть на автомате! Взял ключи – положил в кармашек, вышел из квартиры – захлопнул дверь. Растяпа и безответственный ты человек!» Колька и сам знал, что растяпа. Был бы ответственный, сидел бы себе сейчас спокойненько на кухне, ел котлеты с макаронами и смотрел мультфильмы по телевизору.

Веру Береславовну он увидел, только когда она выросла прямо перед ним. Так увлёкся своими горестными мыслями, что не услышал её шагов. Колька смотрел на неё, она – на Кольку. Молчали, пока Вера Береславовна не спросила:

– Ты почему здесь сидишь? – И тут же догадалась: – Матери дома нет, а ты ключи забыл?

– У нас замок английский. Дверь захлопнулась, а ключи в квартире остались, – объяснил Колька. Потом вспомнил, что забыл поздороваться, а вежливые люди так не поступают, и добавил:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – усмехнулась она.

Так началась Колькина новая жизнь.

Про себя он называл Веру Береславовну сокращённо: просто взял и соединил первые три буквы имени и отчества. Получилось Вербер. Если честно, это не Колька придумал так сокращать, а Цыган из «Республики ШКИД»: Виктор Николаевич Сорокин у него превратился в Викниксора, а Константин Александрович Медников – в Косталмеда.

Вербер и Колька жили на одной лестничной клетке – дверь в дверь, на самом верхнем, пятом этаже. Дом был старый, но недавно отремонтированный. Стены выкрашены в васильковый цвет, перила новенькие, гладкие, кругом чистота: жильцы сами по очереди пол моют, а на лестничных клетках возле окон – цветочные горшки.

Мама с Колькой переехали сюда после смерти бабушки, маминой мамы. В квартире была одна комната, крошечная кухня, ванная и застеклённый балкон. Новое жилище казалось Кольке шикарным, потому что раньше они жили в общежитии, а там туалет, душ и кухня – на шесть семей.

Мама спала на диване, он – в кресле. Спать было тесновато: лежишь, как в коробке. Повернёшься на бок – уткнёшься носом в бордовую ткань, пахнущую чем-то душновато-сладким. Так пахли все бабушкины вещи. Мама говорила, что это запах одинокой старости, и что бабушка сама виновата.

Колька не знал, в чём бабушкина вина, знал лишь, что они с мамой поссорились и не разговаривали больше десяти лет. Только открытки друг другу присылали на Новый год и день рождения. Мама обиделась на бабушку, уехала жить на Север, в город Новый Уренгой. Там познакомилась с Колькиным папой, вышла за него замуж, родила сына.

Через год они развелись: папа ушёл от них к какой-то чужой женщине. Если мама сильно сердилась на Кольку, всегда кричала: «Копия папаши, такой же раздолбай!» Он папу не помнил, даже по фотографиям, потому что мама их все порвала и выбросила – на него она тоже обиделась. Наверное, ещё сильнее, чем на бабушку, потому что бабушкины снимки всё-таки оставила.

Когда Колька был совсем маленький, мечтал, чтобы они жили вместе: мама, папа, бабушка и он. Постоянно загадывал это желание Деду Морозу и всё ждал, что оно сбудется. Потом узнал, что никакого Деда Мороза на самом деле не бывает и перестал ждать. А прошлой зимой они получили письмо от Веры Береславовны, бабушкиной соседки и приятельницы. Та сообщала, что бабушка умерла и оставила маме квартиру.

Мама узнала, что бабушки больше нет и посылать открытки теперь некому, сильно расстроилась и заплакала.

– Что же мы раньше к ней не ехали, если ты её так любишь?

– Потому что она была тяжёлым человеком, – ответила мама и часто-часто поморгала, стараясь остановить слёзы.

– Тётя Зоя вон тоже тяжёлая, толстая – и ничего. Ужились бы как-нибудь, – пожал плечами Колька.

– Дурачок ты ещё. Какая разница, толстая или худая? Я же не об этом. Она была упрямая, на всех давила, всем указывала, как жить.

– Может, знала, как надо? Вот другим и показывала.

– «Показывала!» – передразнила она. – Много ты понимаешь. И вообще, хватит совать нос во взрослые дела.

Мама уволилась с работы, и они переехали в Казань. Сначала Колька сильно скучал по старой школе и друзьям, но со временем стал вспоминать о них всё реже и реже. Даже в Интернете с Юркой не переписывался. А что толку? Захочешь, например, рассказать Юрке, как Галина Сергеевна отобрала у Варламова телефон, по которому он прямо на уроке смотрел видеоролики. Телефон, как назло, возьми и выскользни у Галины Сергеевны из рук: бац – и экран вдребезги!.. Захочешь про это написать – и подумаешь: тогда уж надо объяснить, какой Варламов противный, а Галину Сергеевну, которая похожа на Русалочку из мультика, только без хвоста, весь класс обожает. Писать про всё это – долго, неохота, пришлось отложить. А потом появилось ещё что-то, история с телефоном забылась... В общем, не переписывались.

В новой школе Кольке нравилось. А вот мамина работа не нравилась вовсе. Что тут хорошего, если часто приходится ночевать одному! Днём-то ладно: пришёл из школы, уроки сделал – и смотри себе телевизор или играй в компьютер. А вот ночью...

– Ты уже взрослый! Неужели трудно разогреть себе в микроволновке еду и помыть за собой посуду?! – отвечала мама, когда он говорил, что не хочет оставаться один. Как будто не понимает, что не в еде дело!

Однажды Колька даже всплакнул. Стыдно, конечно, мужчины вообще-то не плачут, спать одни не боятся. Мама обняла Кольку, прижала к себе, так что рёбра чуть не треснули, и сказала:

– Сынок, ты у меня такой умница. Большой уже, самостоятельный. Понимаешь, не могу я эту работу бросить! Другой-то нет, а деньги нам с тобой нужны. Мы ведь одни, помогать

некому! – говорит, а голос у самой дребезжит и гнётся, тает. Колька понял, что мама сама хочет плакать, но сдерживается. Она вообще у него плакса: чуть что – глаза на мокром месте.

– Ладно уж, хватит сырость разводиться! – сказал Колька. Сказал – и самому понравилось, как прозвучало: солидно, взросло. – Надо, так буду ночевать. Не реви только.

Раз обещал, пришлось выполнять. Больше не жаловался, нашёл выход: приучился спать с включённым светом.

С Верой Береславовной, до того дня, как она застала его сидящим на лестнице, почти не общались. Так, «здрате – до свидания». Тогда, кстати, всё закончилось хорошо: не пришлось идти к маме на работу. Соседка сама позвонила, объяснила ситуацию и сказала, мол, Коля переночует у неё, не переживайте, ничего особенного. Мама на следующий день не сильно ругала его, можно сказать, вовсе не ругала.

С тех пор прошёл почти год. Колька бывал у Веры Береславовны каждый день. А когда мама уходила на сутки, то и ночевал у неё. Они вдвоём часов в девять проверяли, всё ли выключено, запирали дверь и шли к Вере Береславовне. У той было две комнаты, в маленькой она стелила Кольке. Сначала он каждый раз брал из дома постельное бельё, но потом им надоело таскать туда-сюда наволочки и пододеяльники, и у Кольки появился свой, как сказала Вера Береславовна, персональный комплект. Как была уже и своя чашка, и любимая тарелка с Зайцем и Волком из мультфильма, и полосатое махровое полотенце.

Поначалу он думал, что Вера Береславовна строгая и даже злая. Высокая, на голову выше его мамы, в очках на цепочке (чтобы не терялись), с короткими седыми волосами и громким голосом, соседка смотрела так, будто знает про тебя всё – и это «всё» ей очень не нравится. Теперь Колька точно знал, что Вера Береславовна – самый лучший человек на свете. После мамы, конечно. Но маме всегда некогда – работать надо, по дому хлопотать. А у Веры Береславовны, как она сама говорила, блаженное пенсионерское состояние, то есть полно свободного времени, которым можно распоряжаться по своему разумению.

Она знала кучу разных историй и могла ответить на любой вопрос обо всём на свете. Готовила для Кольки что-нибудь вкусенькое, подсчитывала, сколько слов в минуту он читает, помогала делать аппликации и рисовать. Учительница по ИЗО потом показывала их коллективное творчество всему классу и хвалила. Когда Колька рассказывал об этом Вере Береславовне, она смеялась:

– Могу гордиться собой – на уровне третьего класса рисовать и клеить научилась! Перспективы такие, что дух захватывает!

Они вместе делали упражнения по русскому, репетировали Колькины выступления на школьных спектаклях, запоминали трудный английский алфавит, сражались с задачками по математике.

– Да, – тяжело вздыхала Вера Береславовна, когда опять он не мог сообразить про поезда, которые едут-едут и всё никак не доедут друг до друга. – Настоящий гуманитарий растёт.

– Это плохо? – насторожился Колька.

– Это как я.

Вера Береславовна сорок лет преподавала в институте зарубежную литературу. Книг у неё было столько, что не хватало полок, и приходилось хранить толстенные тома на антресолях.

– Вы их все читали? – поражался Колька.

– Некоторые – даже не единожды. И очень тебе завидую, дружок.

– Почему?

– Потому что тебе это удовольствие ещё предстоит.

Читать он поначалу не очень любил, играть в компьютерные игры было интереснее. Но, желая порадовать Веру Береславовну, брался за книги, которые она ему подсовывала, а потом втянулся, и ему понравилось. К большому Колькиному удивлению выяснилось, что есть книги, а не только мультики и кинофильмы про Карлсона, Пеппи Длинныйчулок и Мери Поппинс.

Он зачитывался приключениями Элли и Энни Смит, Вити Малеева, муми-троллей, Муфты, Полботинка и Моховой бороды, а Вера Береславовна прикидывала, когда можно будет приобрести сообразительного и тонко чувствующего мальчика к серьёзной литературе.

В квартире у Веры Береславовны было много фотографий: её родители в смешной старомодной одежде, сестра Валентина, которая жила вместе с ней и умерла, она сама в разные годы. Худенькая, как Колька сейчас, улыбочивая девочка превратилась в стройную девушку с длинной толстой косой, потом в женщину с причёской вроде короны.

На одном из снимков рядом с Верой Береславовной стоял молодой мужчина в костюме – её муж Павел Алексеевич. Они вместе были ещё на одной фотографии: между ними сидела маленькая девочка. А больше ни девочки, ни Павла Алексеевича нигде не было. Колька знал, что она так никогда и не выросла, а он не состарился. «Танечка и Паша погибли», – хрупким голосом объяснила Вера Береславовна, и Колька понял, что больше её об этом спрашивать нельзя.

Летом Вера Береславовна увезла мальчика к себе на дачу. Участок-то, говорила она, с носовой платок, и поэтому всё маленькое: и домик с верандой, и грядки, и теплица, где растут круглобокие помидоры. Настолько ароматно-сладких помидоров Колька никогда раньше не ел и не думал, что они могут вырастать до таких гигантских размеров.

Колька помогал ухаживать за садом, бегал купаться на речку, объедался ягодами, ходил с Верой Береславовной в лес будто бы по грибы. «Будто бы» – это потому, что на самом деле никаких грибов не искали, она терпеть их не могла, не отличала съедобные от несъедобных. Зато они забредали далеко-далеко, каждый раз отыскивая что-то интересное: то странной формы пень, то маленькое озерцо, и вели бесконечные разговоры.

На даче жили неделями, лишь изредка навещаясь домой, к маме. Время от времени она сама приезжала, привозила гостинцы и рассыпалась в благодарностях Вере Береславовне. Как-то, в самом начале лета, Колька услышал, что мама сказала:

– Возьмите, пожалуйста, деньги, вы не должны тратиться на Кольку!

– Нет никаких особых трат: что себе покупаю, то и ему. И потом, сама видишь, всё своё, с огорода.

– Ага, и мясо своё, и масло, и сыр! Верочка Береславовна, я недавно подшабашила, вы не думайте, у меня есть деньги! – Мама постоянно подрабатывала: замещала диспетчеров, которые болели или уходили в отпуск.

– Прекрати, Анна! Ничего я с тебя не возьму. Колю в школу нужно будет собирать к сентябрю, сколько всего надо. Отложи – будет на что купить.

– Спасибо вам. За всё. Не знаю, что бы мы без вас делали! – мамин голос опасно дрогнул, и Колька понял, что она вот-вот заплачет. Вера Береславовна, видимо, тоже это поняла, потому что быстро сменила тему и отослала маму поливать огород.

Когда в конце августа Кольке исполнилось десять, мама подарила ему роликовые коньки и огромный конструктор. А Вера Береславовна – сотовый телефон. Круче, чем у Варламова! Колька завопил от восторга, а мама закусил губу и сказала, что они не могут принять такой дорогой подарок...

– От чужого человека? – договорила за маму Вера Береславовна.

– Нет, конечно же, вы нам никакая не чужая! – испугалась мама. – Но вы и так для нас с Колей столько делаете, что просто неудобно!

– Считайте, это Коле от бабушки Иры. Она ведь, царствие ей небесное, каждый год покупала внуку подарок ко дню рождения, но отослать не решалась. Ходила по магазинам, долго выбирала игрушки, потом хранила в шкафу и постоянно доставала, разглядывала, гладила... А под Новый год относил в ближайший детский сад. Только в самый первый раз, когда ему годик был, послала подарки вам на Север – посылка обратно вернулась.

– Вера Береславовна, мы с мамой, вы же понимаете...

– Я никогда никого не осуждаю и не обсуждаю, – отрезала та.
– Может, мы отдадим вам часть суммы? – робко предложила мама.
– Только попробуйте, – серьёзно ответила Вера Береславовна.
– Главное, это самое, что ребёнок доволен! – подвёл итог дядя Валера, с которым мама недавно познакомилась Кольку.

Дядя Валера – это мамин друг, тоже работает в «Радуге», таксистом. У него всё широкое – лицо, плечи, ладони, спина. А голова как апельсин: круглая, лысая и бугристая. Колька вслух называл его дядей Валерой, как мама велела, а про себя – «Это-Самое». Без этих двух слов дядя Валера разговаривать не умел. «Ты, это самое, уроки все сделал?», «У Серёги-то, это самое, машину стукнули!»

Мама и дядя Валера дружили не так, как Колька с Саньком из третьего подъезда или с Юркой из Уренгоя. Поначалу «Это-Самое» приходил к ним в гости по вечерам с цветами для мамы и пирожными для Кольки. Или заезжал за мамой, и они вдвоём отправлялись куда-то. Причём мама затейливо укладывала волосы, долго красилась, надевала «выходные» платья и туфли на высоченных каблучках, вертелась перед зеркалом и приставала к Кольке с вопросами: «Ну, как я? Не очень толстая?» Кольке казалось, что краше мамы никого на свете быть не может, он ей так и говорил, а она махала рукой и хихикала, как девчонка. Через два месяца такой дружбы дядя Валера пришёл и остался насовсем.

– Ему что, жить негде? – удивился Колька.
– Сынок, понимаешь... Ну, ты же понимаешь, – смутилась мама.
Колька ждал, что она скажет дальше. Мама слегка покраснела и продолжила:
– Мы с дядей Валерой хотим быть вместе. Он мне нравится и... И я ему. А тебе нужен отец!
– Зачем это? Жили же мы без никакого отца!
– Вот именно – «без никакого»! Твой отец живёт себе припеваючи, ни разу не поинтересовался, каково нам! А мне знаешь, как тяжело одной сына растить!
– Тебе разве со мной тяжело? – обиделся Колька. – Я же помогаю! Посуду мою, кровать заправляю, в магазин хожу и вообще...

Они разговаривали ещё долго. Мама то ругала Кольку за непонятливость, то бросалась целовать. Потом она, наверное, устала, и сказала:

– Всё, Коля, это вопрос решённый. Мы с дядей Валерой взрослые люди и знаем, как лучше. Он хороший и тебе понравится, вот увидишь. Может, ты даже захочешь его папой звать.

Ничего такого Кольке не хотелось. Какой он папа? Дядька как дядька. Когда мама готовит, торчит на кухне рядом с ней и рассказывает про машины, дороги и гибэдэдэшников.

– Чего она так радуется, что он теперь с нами? Ей со мной что, плохо жилось? – спросил Колька у Веры Береславовны. – Зачем «Это-Самое» понадобился?

Они собрались печь шарлотку. Колька перемешивал тесто в большой миске, а Вера Береславовна нарезала яблоки. Взяла очередное и сказала:

– Понимаешь, дружок, люди так устроены, что нуждаются одновременно в большом количестве самых разных вещей. Тебе необходима еда, но нужна и вода, так ведь? Нельзя сказать: вот тебе ботинки, так что обойдись без рубашки!

– Человек – не какая-то там рубашка!

– Верно, но принцип тот же. Положи конфету на место! Сейчас суп будет готов, испортишь аппетит. Ты мамин сын, она тебя любит больше всего на свете, и это изменить невозможно. Но вместе с тем ей нужен человек, который будет помогать, поддерживать, снимет с неё часть обязанностей и возьмёт их на себя. И будет с ней рядом, когда ты, дружок, вырастешь, может, захочешь уехать жить в другой город, женишься...

– Вот ещё!

– Непременно женишься, заведёшь семью, детей. – Она помолчала. – Запомни: нужно отдавать кому-то своё сердце, чтобы чувствовать себя по-настоящему живым. – Вера Береславовна посмотрела на Кольку долгим взглядом и потом почему-то сказала: – Спасибо тебе.

– За что? – Она иногда говорила непонятное.

– За то, что с головы до ног мукой обсыпался! – строго ответила Вера Береславовна и даже нахмурилась, но Колька видел, что глаза у неё улыбаются. – Немедленно отправляйся в ванную и приведи себя в порядок.

– Но папой я его называть не буду! – прокричал он уже из ванной.

– Имеешь право. Это звание надо заслужить.

Если уж совсем честно, дядя Валера был не плохой. Не вредничал, не ругался, не орал, не приставал с глупыми вопросами про оценки, выпивал редко и во хмелю был тихим и спокойным. Почти каждый вечер покупал сладости и фрукты. Маму называл Анечкой, целовал в щёку, помогал ей по дому. Она стала совсем другая – лёгкая, улыбчивая. Вечно напевала что-то, хохотала, тормошила и зацеловывала Кольку.

Дядя Валера много работал и, видимо, хорошо зарабатывал. Вскоре в квартире появились новая стиральная машина и телевизор. «Это-Самое» отремонтировал краны и розетки, сделал ремонт в ванной, купил маме дублёнку, а Кольке – зимнюю куртку с капюшоном. Когда Колька спросил, как он жил раньше, дядя Валера обстоятельно «обрисовал свою жизненную ситуацию»: жил с женой в каком-то районном центре, работал шофёром. Потом они разошлись (как мама с папой, но только детей у них не было), и он приехал в Казань. Снимал квартиру, работал и страдал, потому что думал, что все женщины одинаковые. А потом встретил ни на кого не похожую Колькину маму.

– Мы, это самое, поженимся, Коля, – завершил дядя Валера свой рассказ.

– Женитесь, – согласился Колька. – Чего уж теперь.

В середине ноября мама и дядя Валера поженились: расписались и устроили дома праздничный ужин. В узком кругу, как она сказала. Кроме молодожёнов и Кольки, за столом была только Вера Береславовна. Они с мамой нарядились в красивые платья и сделали причёски в парикмахерской, «Это-Самое» и Колька мучились в костюмах с галстуками.

Колька вспомнил своё давнее новогоднее желание и подумал, что оно почти сбылось. Вот только если бы вместо дяди Валеры за столом сидел папа!.. Что бы ни говорила о нём мама, Колька всё равно считал его хорошим и иногда мысленно с ним разговаривал. Папа в этих беседах был точь-в-точь, как Джек Воробей из «Пиратов Карибского моря». Такой же весёлый, находчивый, озорной, смелый и немножко сумасшедший.

Когда они пили чай с торгом, мама робко поглядела на Веру Береславовну, тихонько перевела дыхание, отставила чашку в сторону и решила:

– Верочка Береславовна, извините, я бы хотела... то есть мы хотели... – Она умолкла и выразительно посмотрела на новоиспечённого мужа.

– Разумеется, Коля переночует у меня, – сказала Вера Береславовна. – Твои извинения совершенно ни к чему. Или ты о другом хотела попросить?

Мама снова вздохнула, опять посмотрела на дядю Валеру, который почему-то никак не желал приходить ей на помощь, и выпалила:

– Нам на работе дали небольшой отпуск. Всего неделю. Мы хотели съездить отдохнуть в санаторий. На пять дней.

– Отличные условия! – наконец-то подключился и он. – Питание четырёхразовое, это самое, бассейн, кинотеатр, солевая шахта, процедуры всякие полезные.

– Езжайте, конечно, – одобрила Вера Береславовна. – Ты, Анюта, как в Казань переехала, так ни разу в отпуске и не была. За квартирой присмотрю, не переживайте.

– Круто! – обрадовался Колька и спросил: – А школа?

Спросил и замер. Вдруг скажут: и вправду, мы об этом как-то не подумали! Придётся не ехать.

– Дело в том, что... – Мама залилась краской и виновато посмотрела на Кольку. – Сынок, мы с дядей Валерой хотели съездить одни и попросить Веру Береславовну, чтобы она побыла с тобой.

– Это самое, свадебное путешествие, – вставил дядя Валера.

– Вера Береславовна, – умоляюще произнесла мама. – Вы не могли бы... Но если нет, то тогда мы не поедem!

– Почему не могла бы? Охотно останусь с Колей, если он не против.

Кольке ужасно захотелось крикнуть маме: «Предательница! Появился «Это-Самое», и ты с ним сразу в санаторий собралась? А как же я?!» Он даже открыл рот, но посмотрел на маму – покрасневшую, смущённую, испуганную, но в то же время счастливую. Посмотрел на дядю Валеру, который потянулся к маме и тихонько, успокаивающе погладил её по руке. Посмотрел – и ему вдруг пришло в голову, что мама, наверное, тоже загадывала своё желание Деду Морозу. Просила, чтобы когда-нибудь рядом с ней оказался человек, который полюбит её и станет о них с Колькой заботиться. Добрый, простой, честный. И ничего, что он ни капельки не похож на отважного пирата Джека Воробья... А Дед Мороз, которого вообще-то не бывает, как-то умудрился исполнить её желание. Так неужели он, Колька, возьмёт и всё испортит?

– Ладно уж, езжайте, – сказал он. – Я вас тут подожду.

– Сынок, ты не обижаешься? – спросила мама.

– Ещё чего! Что я, маленький – обижаться?

– Побудешь немного без меня? Без нас, – поправилась она.

Колька молча кивнул.

– Хорошего сына ты вырастила, Анна, – проговорила Вера Береславовна, которая, оказывается, внимательно следила за выражением Колькиного лица. – Но раз уж вы отдыхать будете, то и мы тоже немножко пофилоним! Устроим каникулы и погуляем по городу!

– Здорово! – Колька так и завертелся на стуле. С Верой Береславовной он готов бывать где угодно. А если ещё и вместо уроков... – Отпросишь меня, мам? А куда мы пойдём?

– Отпрошу! – засмеялась мама, и они все вместе принялись обсуждать, куда можно сходить и что стоит посмотреть.

Время пролетело незаметно: завтра суббота, мама с дядей Валерой должны утром вернуться из санатория. Перед отъездом мама поговорила с Галиной Сергеевной, и та разрешила мальчику пропустить школьные занятия. Они с Верой Береславовной бродили по центру города, любовались красивыми зданиями, памятниками и фонтанами, побывали в Национальном музее, ходили в театр и на каток. Было здорово и весело, но всё же Колька ужасно соскучился по маме и представлял, как станет рассказывать ей о том, что узнал и повидал за эти дни. Они, конечно, постоянно перезванивались и даже отправляли друг другу фотографии, но прижаться к маме, вдохнуть родной запах и потереться носом об её нос, как они часто делали, – это ведь совсем другое!

Сегодня Колька был в школе, а Вера Береславовна затеяла уборку сразу в двух квартирах. Ещё она собиралась поставить тесто, чтобы напечь пирогов к завтрашнему дню. После уроков он нёсся домой во весь опор: получил целых три пятёрки и спешил похвастаться своими успехами Вере Береславовне.

Колька увидел её издали, она его тоже заметила: стояла на углу их дома, возле дороги, улыбалась и ждала, когда он подбежит. Видимо, Вера Береславовна возвращалась из магазина: в руках у неё были два пакета. Он перебежал пустую дорогу: движение здесь никогда не было оживлённым, тем более в середине дня, однако Колька привычно повертел головой – налево, потом направо.

– Привет! Вы из магазина, да? Давайте помогу нести!

– Привет, дружочек! Да, купила кое-что. Помоги, а я твой пакет с обувью возьму.

Они принялись передавать друг другу сумки.

– А ты что это весь светишься?

– Кучу пятёрок получил! – гордо заявил Колька, предвкушая восторженную реакцию и вопросы: по каким предметам? За что?

– Надо же! Какой... – начала было Вера Береславовна, но тут с её лицом что-то случилось. Она смотрела куда-то Кольке за спину, и вдруг глаза за стёклами очков стали огромными, рот открылся, лицо странно сморщилось.

– А-а-а! – завопила она.

Он впервые слышал, чтобы она так кричала, и оторопел от неожиданности. А Вера Береславовна зачем-то рванула его на себя и изо всех сил отшвырнула в сторону. С такой силой отшвырнула, что он не удержался на ногах, повалился на спину. Пакет выпал из рук, из него вывалился батон, по земле запрыгали мандарины, покатились бутылка молока.

На том месте, где только что стоял Колька, приткнулась хищной мордой чёрная иномарка. Рядом лежала Вера Береславовна. Водитель был настолько пьян, что даже не сумел выбраться из автомобиля. Так и сидел колодой до приезда полиции, хотя прохожие пытались вытащить его наружу, угрожая прибить на месте.

Колька вскочил на ноги, бросился к Вере Береславовне.

– Вер... Бер... – задыхаясь от слёз и ужаса, бормотал он, шлёпнувшись на колени возле неё. – Вер... Бер... – Он хотел позвать Веру Береславовну, но никак не получалось правильно выговорить длинное трудное имя.

Вокруг них быстро собиралась толпа, люди говорили, кричали, звонили куда-то, ругались громкими голосами. Подъезжали и останавливались машины, кто-то плакал. Колька ничего не слышал, не понимал. Он бестолково ползал возле Веры Береславовны и силился произнести её имя, но язык не слушался.

С рёвом подъехали «скорая» и полиция. Сквозь толпу к Вере Береславовне и Кольке протискивались врачи и полицейские.

– Ребёнок не пострадал, она успела его оттолкнуть в сторону! – срывающимся тонким голосом заговорила какая-то женщина. – Я всё видела! Они стояли с мальчиком вот тут, а этот... Скотина, сволочь!

Люди вокруг загудели, заголосили.

– Бабуля! – внезапно завопил Колька. – Бабуля! Это я, Колька! Слышишь? Бабулечка, миленькая, очнись!

И она очнулась. Открыла глаза, посмотрела на него и прошептала:

– Заслужила...

Бывало, что она говорила непонятное, но в этот раз он всё понял. И улыбнулся, хотя слёзы бежали по щекам, как у маленького. Теперь он точно знал, что она обязательно поправится.

Мама и дядя Валера примчались в больницу через час после того, как туда доставили Веру Береславовну и Кольку. Её увезли, и мальчик, которого медикам удалось-таки оторвать от пострадавшей и осмотреть, остался в больничном коридоре один. Никаких повреждений у него не обнаружили и велели ждать родителей.

Когда в коридор ворвались мама и дядя Валера, он сидел на кожаном диванчике рядом с большой искусственной пальмой в кадке. Заплаканная мама судорожно вцепилась в Кольку, совсем как он сам недавно в Веру Береславовну, прижала к себе и, давясь слезами, принялась просить прощения, что оставила его одного. Как будто, если бы она в этот момент была не в санатории, а на работе, ничего бы не случилось. Колька успокаивал её, говорил, что всё уже позади, ничего страшного, он жив и совершенно здоров, а с Верой Береславовной скоро тоже всё будет в порядке.

Мама немножко успокоилась, перестала плакать, попросила рассказать, что случилось. Колька стал рассказывать, вспомнил, как Вера Береславовна закричала, как она лежала без сознания, а он подумал, что она умерла, не выдержал и разревелся. Теперь уже мама принялась его утешать и говорить, что всё будет хорошо, Вера Береславовна скоро вернётся домой...

Так они по очереди плакали, уговаривали и успокаивали друг друга, пока не вернулся дядя Валера с новостями. Оказывается, пока они тут рыдали на два голоса, он разыскал врача и выяснил, что у Веры Береславовны ушибы, сотрясение головного мозга и перелом левой ноги. Как сказал доктор, легко отделалась. Мама и Колька опять чуть не заплакали – на этот раз от облегчения и радости.

– А я-то хороша: сижу, реву, а к врачу сходить не додумалась! Слава Богу, ты сразу сообщил, – сказала мама.

Дядя Валера и дальше вёл себя так же. Без суеты и лишних вопросов делал именно то, что больше всего требовалось в настоящий момент: гладил бельё, готовил, раскладывал по термосам еду и отвозил в больницу, объезжал аптеки в поисках нужного лекарства. Когда Вере Береславовне разрешили вставать, и выяснилось, что она никак не может научиться передвигаться с помощью костылей, он прикатил откуда-то кресло на колёсиках.

Однажды вечером, вскоре после аварии, Колька сидел дома один. Мама дежурила в больнице, дядя Валера был на работе. Он выключил телевизор и отправился чистить зубы: пора ложиться спать. По пути в ванную внезапно вспомнил, что завтра литературная викторина! Ему поручили сделать ромашку: в середине – жёлтый кружок, а на лепестках – вопросы. Колька совершенно забыл и про викторину, и про ромашку, и сейчас заметался по квартире в поисках бумаги, ножниц и клея. «Ничего, – успокаивал он себя, – успею. Хорошо ещё, что вспомнил, а то схлопотал бы пару и вдобавок подвёл весь класс».

Часа через полтора ромашка была почти готова: лепестки, правда, получились не совсем одинаковыми по размеру, а строчки с вопросами ползли вкривь и вкось, но в целом Колька остался доволен результатом. Теперь раскрасить сердцевину в жёлтый цвет – и можно вздохнуть свободно.

Самое страшное случилось, когда работа была практически завершена. Колька неаккуратно задел локтем баночку с водой, та опрокинулась и залила водой злополучный цветок. Это была катастрофа. Ромашка безнадежно испорчена – не высушить. Бумаги больше нет – он её всю извёл, пока вырезал лепестки. На часах – почти одиннадцать вечера, все магазины закрыты.

Когда Колька уже всерьёз решил, что жизнь кончена, в замке заскрежетал ключ. Дядя Валера оценил масштабы бедствия, задал сражённому отчаянием мальчику пару вопросов, снова куда-то ушёл, и его долго не было. Вернувшись, положил на стол толстую пачку цветного картона.

– Не было белой бумаги, – пояснил дядя Валера. – Но ничего, не расстраивайся. Будем делать цветик-семицветик. Зато, это самое, красить не придётся.

Он по-прежнему к месту и не к месту вставлял свою нелепую приговорку, но Кольке больше не хотелось называть его «Это-Самое». Даже про себя.

Они принялись за работу. Колька то и дело клевал носом, и дядя Валера отправил его спать. Проснувшись утром, мальчик обнаружил, что тот уже уехал. На столе лежал красивый цветок с аккуратными, по линейке, вопросами на ярких лепестках.

Веру Береславовну выписали за неделю до Нового года. К её возвращению домой мама с Колькой нарядили большую искусственную ёлку – пушистую и очень похожую на настоящую. Развесили по комнатам разноцветные гирлянды, на окна наклеили снежинки и звёздочки.

Украшения и ёлку Колька и дядя Валера покупали в огромном супермаркете. Полная пожилая кассирша спросила:

– Что это у вас всё в двойном экземпляре?

– Так нам, это самое, две квартиры надо украсить!

А Колька прибавил:

– Нашу и бабушкину.

– Подарки Дед Мороз сразу под обе ёлки складывать будет? – Кассирша улыбнулась, и на щеках у неё появились ямочки.

– Деда Мороза не бывает! – строго ответил Колька.

Ответить ответил, а сам потом подумал: наверное, он всё-таки существует. Ведь кто-то же исполнил его самое главное желание.

Утро Савельева

В будние дни утро Савельева начиналось с журчания электронного будильника, поставленного на шесть тридцать.

Жена просыпалась моментально, распахивала глаза, как заводная кукла, и пару мгновений смотрела прямо перед собой, сосредотачиваясь. После этого вскакивала и устремлялась в новый день, больше уже ни на секунду не замедляя темпа. Делала гимнастику, спешила в душ и через полчаса выходила оттуда причёсанная, со свежим макияжем. Подходила к кровати, на которой Савельев делал вид, что спал, и говорила:

– Вставать пора.

Он громко, со стоном зевал, хотя сна давно ни в одном глазу, и садился в кровати, стараясь одновременно попасть руками в рукава халата, а ногами в тапочки. Кровать скрипела, Савельев хрустел суставами. Потом вставал, раздвигал шторы, впуская в спальню утренний свет, и брёл умываться.

В ванной было влажно и пахло Юлиной парфюмерией. Савельев захлопывал за собой дверь, и каждый раз ловил себя на мысли, как ему не хочется выбираться наружу из этой тёплой ароматной берлоги.

Когда он, наконец, попадал на кухню, его уже ждал завтрак. Всегда один и тот же набор: кофе со сливками, бутерброд с сыром и овсяная каша. Аппетита не было, но Савельев послушно жевал и прихлёбывал.

Жена к тому моменту обычно одевалась в прихожей, чтобы выйти из дому без двадцати восемь и прибыть на работу к половине девятого. Она никогда никуда не опаздывала, потому что пунктуальность, по её мнению, – главный критерий, отличающий приличного человека от неблагополучного. Помимо этого, приличные люди не повышают голоса, не берут в долг и не выпивают больше двух бокалов вина за вечер.

Иногда Савельеву страшно хотелось заорать, напиться в дымину и взять в кредит миллион. А ещё – спросить, стал ли её утренний поминутно расписанный ритуал результатом долгих тренировок с секундомером в руке? Или она родилась такой – раз и навсегда знающей чего хочет, что правильно, а что глупо и нерационально?

– Савельев, я ушла! – сообщала жена и исчезала за дверью.

Она ни разу не дождалась ответной реплики, и он всякий раз недоумевал: зачем тогда вообще произносить эту фразу? Может, она предполагала, что может не вернуться, и предупреждала на этот случай?

Юля уходила и Савельев испытывал облегчение. Время, когда его по этому поводу мучили угрызения совести, давно прошло. Те несколько минут, которые он проводил утром в одиночестве, помогли перетерпеть весь оставшийся день. Так что это был вопрос выживания.

Это утро ничем не отличалось от предыдущих. Савельев прихватил чашку с недопитым кофе и направился в гостиную, собираясь устроиться в любимом кресле возле окна. В этот момент откуда-то сбоку прозвучало:

– Жалко мне тебя.

Савельев замер в нелепой позе, стоя на полусогнутых и отключив зад. Перевёл дыхание, повернулся и увидел забавного старикана размером с чашку, похожего на персонажа русских народных сказок. Дедок сидел на книжной полке и смотрел на Савельева круглыми насмешливыми глазками.

– Чего над креслом-то навис? Садись, не стесняйся, – разрешил он.

– Господи, – проговорил Савельев. Но сел, даже кофе не расплескал.

«Мне нужно к врачу, – подумал он. – Вероятно, что-то с мозгом».

– Ты сам врач, – напомнил гость. – Хотя и недоделанный.

– Кто ты такой? – спросил Савельев. – Откуда?

– Домовой, кто ж ещё. Из старого дома на Плодовой сюда переехал. В коробке из-под шляпы.

– Домовых не бывает.

– Ой, я тебя умоляю! – Дед поёрзал и посучил ногами. – Ладно, мне тут особо некогда... Я чего показался-то. Смотрел-смотрел – не выдержал. Жалко, говорю, тебя: день-то сегодня – критический!

Савельев хмыкнул и хотел сказать, что такие, если верить телерекламе, бывают только у женщин, но дедок его опередил.

– Тьфу, дурак! Знаю я, чего ты лыбишься! Тебе про жизнь говорят, а не про прокладки срамные.

Ситуация была абсурдной, но Савельев незаметно для себя перестал замечать это и втянулся в разговор.

– И что такое с ней – с моей жизнью?

– Здоровый мужик, жена – здоровая баба, а детей нету! Почему?

– Просто мы не готовы...

– Могли бы и подготовиться за пятнадцать-то лет! – съязвил старик. – Себе хоть не ври: не твоя она по правде жена. Потому и семя у тебя пустое.

«Что ты мелешь! Не моя! А чья, интересно?» – собрался возмутиться Савельев, но не стал. Убеждать плод большого воображения, что у него счастливый брак, было просто смешно.

Старик качнул соломенной шляпой и покатил дальше:

– То-то. Думаешь, больно ты жёнке своей нужен? Она уж скоро год как хахаля завела! Знаешь, кем тебя считает? Макарониной разваренной! – дед хихикнул, но тут же скроил серьёзную мину и выставил перед собой крошечные ладошки. – Успокойся, не в этом смысле, а в том, что ты скучный. Квёлый. Куража в тебе нету. А для Лиды...

Затрещал сотовый, и Савельев метнулся в прихожую, радуясь возможности прервать разговор. Звонили из университета.

– Сергей Палыч? Вас уже пятнадцать минут студенты ждут! – прогудела методист Вера Максимовна, которую за глаза называли Трубой. – Когда появитесь?

– Который час? – растерялся Савельев. Он был уверен, что нет и восьми.

– Почти девять. Да что с вами такое? Вам плохо? – взволновалась Труба. У Савельева было слабое сердце, и в университете об этом знали.

– Я... да, неважно себя чувствую. Решил прилечь и заснул.

Савельев бормотал извинения, Вера Максимовна, сменившая гнев на милость, уговаривала его отлежаться. После двухминутного пинг-понга решили, что он придёт ко второй паре.

Когда вернулся в комнату, старика уже не было. Или, скорее, быть не могло. «Видимо, я и вправду задремал», – подумал Савельев. Он виртуозно владел умением находить удобные объяснения самым труднообъяснимым вещам. Помотал головой, как собака, выбравшаяся из воды, сунул чашку в раковину, оделся и вышел из квартиры.

Занятия обычно заканчивались около трёх, но он не спешил домой: листал журналы, водил ручкой по бумаге, сплетничал с коллегами, именуя всё это «подготовкой на завтра». На самом деле Савельев давно ни к чему не готовился. Тексты лекций и планы семинаров были написаны им много лет назад и почти не претерпевали изменений. Можно было посидеть в библиотеке, разнообразить материал, обновить методику, но – зачем? Студентам всё равно, что забывать. У них полно дел куда увлекательнее истории медицины.

Повторять одно и то же год за годом было невыносимо, но поиск новых сведений стал бы не менее унылым занятием. Трудно признавать такое в сорок с лишним, но он понимал,

что выбрал не ту профессию. Поначалу осознание этого факта пугало, потом сделалось привычным.

Медицина его никогда не интересовала: он боялся крови, был брезглив и ненавидел биологию. Однако родители были врачами, и он безропотно поплёлся вслед за ними, окончил университет, защитил кандидатскую. Медициной занимался, но врачом так и не стал: ушёл, как всем с гордостью говорила мать, в науку.

Ушёл и заблудился, так и не найдя в ней своего пути.

Сегодня Савельеву было не просто скучно – мучительно находиться в университете. Стены надвигались на него, сжимали и выдавливали наружу, как пасту из тубика. Он кое-как провёл семинар и прочёл две лекции, не понимая смысла собственных слов, не делая замечаний болтунам, не обращая внимания на студентов, уткнувшихся в экраны новомодных телефонов.

Дома он залпом выпил два стакана воды и позвонил матери. С тех пор, как умер отец, он говорил с нею каждый день: дежурно справлялся о здоровье, выслушивал подробный отчёт о настроении, бессоннице, дурных снах и неуместных замечаниях заклятой подруги Нонны Борисовны. Прижимая трубку к уху, слушал и не слышал. Мамин голос, с годами истончившийся, как и вся её фигура, шея, волосы, произносил слова, которые казались Савельеву иностранными.

– Мам, – тихо позвал он, – мне кажется, со мной что-то происходит. Всё как-то... неправильно.

Мать замолчала. Подумала минутку и строго произнесла:

– Сергей, в чём дело? Ты нездоров?

– Совершенно здоров, мама, я говорю о другом! Понимаешь, вспомнил Лиду и...

– Не понимаю и понимать не хочу! – отрубил мать. – У тебя типичный возрастной кризис. Такое бывает у всех мужчин. Надеюсь, ты не связался с какой-нибудь молоденькой свишущкой?

– Конечно, нет, – поморщился Савельев.

Чёрт его дёрнул за язык: зачем было начинать этот разговор?

– Вот и хорошо. У тебя чудесная жена. Дом – полная чаша!

– И чем же она наполнена, эта чаша?... Извини, у меня сотовый. Позже перезвоню, – сказал он и повесил трубку, не дожидаясь, что она ответит.

Лида – вот с кем ему хотелось поговорить, кого необходимо было увидеть. Но невозможно.

Савельев пошёл в спальню и лёг на кровать.

Он познакомился с Лидой, когда ему было двадцать шесть, и все вокруг считали его подающим надежды. То, что он их обманул, выяснится ещё не скоро.

Она приехала из глубинки, не поступила и устроилась лаборанткой на кафедру.

– Дешёвое кино! – кривилась мама. – Взгляни на неё! Простушка, провинциалка. Такой брак хорош в книгах, а в жизни смешон. Вскоре ты поймёшь, как ошибся. Тебе будет скучно с ней, ты станешь тяготиться её привычками, раздражаться, но будет поздно! И потом, ты уверен, что она любит именно тебя, а не твою прописку и возможности?

Савельев возмущался, хлопал дверями, а сам потихоньку начинал сомневаться. Вдруг мать права, и Лида просто хочет выгодно выйти замуж?

На пятидесятилетие отца, куда Савельев пришёл с Лидой, мама пригласила свою приятельницу и её дочь Юнону.

Юнона Ильинична Шварцман – так на самом деле звали будущую жену Савельева. Выйдя за него замуж, она сменила не только фамилию, но и имя. Отчество, правда, оставила.

Мать хотела дать сыну возможность сравнить – и трюк удался. Молчаливая, не слишком хорошо одетая Лида потерялась и поблекла на фоне соперницы.

Сейчас, спустя много лет, Юля казалась ему похожей на блестящую ёлочную игрушку, красота которой греет сердце только раз в году. А после – кому захочется доставать её из картонной коробки? Но в тот вечер Савельев был ослеплён и очарован.

Лида ушла из его дома и из его жизни тихо, никем не замеченная. Уволилась и исчезла. Он не бросился её догонять, не искал встречи. Новый роман захватил, закружил его и вскоре вышвырнул на берег супружеской жизни – растерянного, очумевшего, но, впрочем, уже сознававшего, какого дурака сваял.

Четыре года назад Савельев встретил свою первую любовь на конференции в Смоленске. Только она была уже не просто Лида, а Лидия Семёновна Гладилова, известный невролог, замужняя дама и мать двоих детей – об этом Савельев узнал позже, вечером, когда они отправились в ресторан. Лида давно простила его, а он сидел и каждой клеткой ощущал своё ничтожество. Пил больше обычного, рассказывал пошлые анекдоты, над которыми сам же и хохотал, то и дело принимался вспоминать вызывающие неловкость подробности их свиданий, а закончил тем, что попытался поцеловать её прямо за столиком. Лида молча стряхнула его руки, встала и ушла.

В комнате быстро темнело. Савельев лежал и думал, что Лида была единственной, кого он по-настоящему любил. «Интересно, почему о самых искренних чувствах мы обычно говорим так пафосно и безвкусно?» Но при этом никого и никогда не обидел сильнее, чем её.

Юля вернулась домой в седьмом часу. Заглянула в комнату, осведомилась, почему он в постели и готовить ли на него ужин. Вместо ответа он спросил:

– У тебя что, любовник есть?

Хотя прежде следовало бы спросить себя: «Меня это хоть немного задевает?» Ответ оказался бы отрицательным.

Сам он постоянно изменял жене. Интрижки были мимолётными и безликими, ничего не стоящими и не оставляющими шрамов на сердце. Любовницы Савельева были похожи друг на друга и на Юлю: ухоженные, прагматичные, остроумные, знающие цену и себе, и Савельеву, и их отношениям.

– С чего ты взял? – слова прозвучали вяло, будто Юле было лень оправдываться.

– Ни с чего. Забудь, – он повернулся на другой бок.

Ему тоже было лень выводить жену на чистую воду, устраивать сцену, да и вообще говорить.

Юля недолго постояла на пороге, вышла и закрыла за собой дверь. Спустя некоторое время до него донеслись звуки заставки популярного ток-шоу, которое жена смотрела каждый вечер, не пропуская ни одного выпуска. Савельев представил, как героини сейчас начнут трясти на публике исподним, ведущий – натужно им сочувствовать, а зрители в студии и эксперты – выпрыгивать из кожи, лишь бы подольше задержаться на экране, и ему стало совсем тошно.

Он накрыл голову подушкой, чтобы ничего не слышать. Вскоре заснул, и ему приснилась Лида. На ладони у неё сидел домовый и болтал ножками, обутыми в лапти.

Следующее утро для Савельева не наступило.

В день похорон вдова, наряженная в элегантное тёмное платье, аккуратно промокала в меру покрасневшие глаза платочком, прижимала к груди руки и печально произносила на выдохе, что Бог всегда забирает самых лучших.

Цена вопроса

25 марта. Письмо.

«Я люблю тебя. Эта любовь живёт во мне раковой опухолью. Она пустила метастазы во все органы, и делать операцию поздно. Не поможет. Я смирилась и живу, сколько смогу.

Всё, что было в моей жизни до тебя – неправда. Всё, что будет после – неважно. Прекрасно знаю, что рассчитывать мне не на что, и встретились мы зря. Вернее, это я тебя встретила, а ты меня никогда не встречал.

Ты и сейчас не знаешь, что я есть на свете. Да не где-нибудь на краю мира, а этажом ниже. Мы видимся каждый день, но ты не замечаешь меня. Смотришь вскользь и мимо.

Тебя трудно в этом винить: любоваться абсолютно не на что. Унылая, длинная и скучная, как цапля на болоте, девица. Сидит себе и сидит, стучит по клавиатуре, на звонки отвечает:

– Компания «Грант», добрый день. С кем вас соединить? – делает вид, что работает. А может и правда, работает – какая разница...

Много раз по телефону я слышала по-хозяйски небрежное:

– Девочки, это Елена Вадимовна. С Сергеем Борисовичем соедините.

Твоя жена. Небожительница. Интересно, она понимает, какое это счастье – встречать тебя с работы, готовить еду, стирать твои рубашки? Слышать твой голос, сколько захочется, обнимать, садиться тебе на колени, смеяться твоим шуткам, смотреть телевизор, засыпать и просыпаться, чувствуя твоё тепло, смотреть глаза в глаза, ссориться по пустякам, а потом мириться...

В последнее время тебе часто звонит Эмма. Однажды так вышло, что я случайно подслушала ваш разговор. Извини, но твоя любовница – пошлая женщина. Она жеманно тянет слова, многозначительно дышит, томно хихикает. Почти вижу, как эта Эмма картинно закидывает ногу на ногу и облизывает кончиком языка покрашенные жирной помадой губы.

Выходит, ты изменяешь Елене. Значит, ты подлец? Но для меня это ничего не значит!

Видишь, как вышло. Я знаю твою тайну по имени Эмма, а счастливая Лена не знает. Но ты не бойся: твой секрет в безопасности!

А я ни с кем тебе не изменяю. Люблю с тех пор, как устроилась в «Грант». Моя любовь к тебе вечна, как луна. Кажется, это уже кто-то написал до меня... Мама говорит, мне не хватает индивидуальности. Смелости. И ещё много чего. Ты прав, что не замечаешь меня. Иногда я сама себя не замечаю.

Ты можешь спросить: «Зачем это письмо?» Мне просто хочется, чтобы ты знал. Вот и всё. Никогда не догадаешься, кто тебе пишет! Нас в общем отделе одиннадцать человек.

Но если и поймёшь, я знаю, что ты сделаешь. Пригласишь в свой кабинет, напоишь чаем, вежливо поблагодаришь за письмо и скажешь, что всё это напрасно. Ты, конечно, весьма польщён глубоким чувством в свой адрес, но ответить на него не можешь. А я ещё молода и скоро встречу подходящего человека, выйду замуж и буду смеяться над своим увлечением. Да, именно увлечением, которое скоро пройдёт.

Я подержу в руках чашку, поулыбаюсь и помолчу в ответ. Встану и уйду. И даже не огорчусь, потому что заранее знаю, что ты ничего во мне не поймёшь. И не надо.

Просто спасибо, что живёшь на этой земле. И что прочёл моё письмо».

27 марта.

Анисимов стоял у открытого окна и курил сигарету за сигаретой. А ведь почти удалось дойти до полпачки в день! Нервы, нервы...

Вот же не было печали! Кто же из них эта идиотка? Мученица эпистолярного жанра. Татьяна Ларина, пропади она пропадом!

Анисимов с грохотом захлопнул окно и вернулся за стол.

– Ольга Сергеевна, кофе! – приказал он секретарше по селектору.

Через минуту та возникла на пороге. Сухая, седая, серая, строгая. Суперпрофессионал. Недоженщина. Ленка с папой постарались: в его близком окружении нет ни одной особы женского пола моложе пятидесяти.

«Про общий отдел-то и забыли!» – злорадно подумал Анисимов.

А там вон какие страсти. Шекспир отдыхает! И это возвращает нас к главному: надо срочно выявить авторшу слащавого послания. Потому что она знает про Эмму! И может рассказать Ленке.

Анисимов сделал большой глоток и поморщился. Сахара, как всегда, мало. Он протянул было руку, чтобы нажать на кнопку, сделать замечание Ольге Сергеевне и попросить принести сахарницу, но передумал. Видеть перед собой постную физиономию секретарши не хотелось. Без того настроение на нуле.

Если эта «писательница» откроет свой трепливый рот – всё! Ленка ревнивая до ужаса. Да и шут бы с ней, с Ленкой, куда она не денется. Влюблена, как кошка. Старше Анисимова на двенадцать лет. Так и сидела бы в старых девах с её-то рожей и центнером веса.

Но вот папуля!.. Этот не простит. Тоже вечно подозревает, притыкает своими деньгами, вынюхивает, вышныривает. А фирма-то, по сути, его. И не только фирма. Если обидеть единственную обожаемую дочь, старик перекроет кислород во всём.

Так что ошибаешься, голуба! Чаи гонять мы с тобой не станем. Анисимов запросил в отделе кадров личные дела сотрудников. Чтобы не вызывать подозрений, не уточнял, какой именно отдел его интересует.

Так, посмотрим. Четверо сразу отпадают: предпенсионного возраста. Две замужем, с детьми. Тоже не наш случай. Ладно, идём дальше.

Остаются пять человек: Алина Губаева, Нина Королёва, Ольга Смелова, Оксана Титова и Гузель Яхина.

Длинная, говоришь, как цапля? Сейчас увидим, кто из вас длинная, а кто короткая...

Полчаса спустя Анисимов вернулся в кабинет раздражённый и растерянный. Четверо из пяти оказались высокого роста! Только Яхина отпадает. Она маленькая и толстенная.

Дальше уж и зацепок нет. Все четверо – так себе. Смотрят печально и с робким призывом. На сто процентов угадать не представляется возможным. Не будешь же беседовать со всеми по очереди! Разговоры пойдут, сплетни, ненужные вопросы. Не ровён час, до папаши волна докатится.

Остаётся единственный возможный вариант. Такую бомбу при себе держать никак нельзя. Мало ли, что у этих романтических куриц на уме.

Анисимов вызвал Ольгу Сергеевну.

29 марта.

Приказ № 122/10.

По результатам аттестационной проверки, проведённой 28 марта в связи с мероприятиями по сокращению кадров, уволить с выплатой выходного пособия следующих сотрудников общего организационного отдела:

Губаеву Алину Амировну

Королёву Нину Павловну

Смелову Ольгу Васильевну

Титову Оксану Владимировну.

Дата. Подпись.

Морок

Часть первая

Глава 1

Отца хоронили в феврале. До весны, которую любил и всегда ждал, папа не дожил восемнадцать дней.

Примерно пару лет назад отец произнёс фразу, которая навсегда врезалась Карине в память:

– В году 365 дней, – сказал тогда он, – в один из них человек рождается. А потом он живёт год за годом: 365, ещё 365, ещё, ещё... И не подозревает, что какой-то из этих дней станет датой его смерти. Много раз перешагивает этот рубеж, переживает роковые сутки. Но однажды неизбежно споткнётся.

Отец споткнулся о десятое февраля. Вышел на балкон покурить перед сном. Азалия, папина вторая жена, отправилась в ванную. Водные процедуры у неё обычно занимали не меньше получаса. Выйдя, обнаружила, что мужа до сих пор нет в комнате. Забеспокоилась, стала его звать. Выглянула на балкон – а он лежит на полу. Уже мёртвый.

По крайней мере, так Азалия рассказывала о том вечере всем, кто готов был её слушать. Врачам со «скорой» осталось только развести руками, констатировать смерть и выразить соболезнования вдове. Больше соболезновать было некому: единственная дочь с отцом и мачехой не жила. Так уж вышло, что Карина, которая с детства была привязана к отцу, как ни к кому другому, за несколько месяцев до папиной смерти перестала с ним общаться и съехала на съёмную квартиру.

Азалия, одетая в длиннополую норковую шубу, судорожно сморкалась и всхлипывала, вытирая глаза кружевным платочком. На голове – элегантная чёрная шляпка с траурной вуалью. И когда только успела купить?

Отец лежал между ними, закутанный в покрывала. Гроба не было: папу хоронили по мусульманскому обычаю. Карина смотрела на прикрытую куском плотной ткани мумию у своих ног и не могла поверить, что это – действительно её отец. Яркий, энергичный, взрывной, умный, сильный, любящий...

Папа не мог уйти вот так, не сказав ей на прощание ни слова. Просто оставить Карину один на один со всем миром. Как бы они ни ссорились. Тем более что незадолго до смерти всё-таки помирились.

– Как же так, Наиль? Что же ты так рано ушёл?

Тётя Нелли, папина старшая сестра, обняла сноху за плечи, успокаивающе погладила по руке и покосилась на племянницу. Сидит, как каменная, ни слезинки. А Аличка, даром что знала Наиля всего-то год, вон как убивается.

– Ничего, дорогая, ничего, успокойся, не плачь. Нельзя так, ты же знаешь, – тихо прошептала она и поправила очки. – Хорошо, что хоть последний год жизни Наиль был очень счастлив. Благодаря тебе.

Азалия кивнула и мученически улыбнулась сквозь слёзы. Женщины склонились друг к другу, принялись шушукаться о чём-то.

Карина молча сидела, покачиваясь в такт движению автобуса. В груди что-то сжалось и не давало вдохнуть. Голова раскалывалась от боли.

Зима в этом году была необычайно снежная. «Мело, мело по всей земле, во все пределы...» – всплыли строчки. «Вечно одно и то же», – рассердилась на себя Карина. Хорошо ли, плохо ли – вечно на уме стихи, романы, цитаты. Мечты и иллюзии, полный отрыв от реальности. Всю жизнь читала, грезила... А отца уберечь не смогла.

К могиле нужно было пробираться по узкой, протоптанной могильщиками тропочке между надгробьями. Снегу – почти по пояс. Все шли гуськом, след в след. Карина еле-еле переставляла ноги в коричневых сапогах, которые были на два размера больше, чем нужно. Её собственная обувь осталась дома, в папиной квартире. Диана, соседка снизу и старшая подруга, как она себя называла, чуть не силком стащила с Карины замшевые коротенькие ботики:

– Совсем сдурела – это всё равно, что босиком! Через пять минут околеешь! Ноги отморозишь!

– Да у меня нет других, – слабо отбивалась Карина.

– Зато у меня есть, – отрезала Диана. – Надевай!

– Велики же...

– Главное, не малы! Носки дам, наденешь и пойдёшь. Без разговоров!

Карина уступила её напору, и теперь ей казалось, что на ногах кандалы. Она волочила их за собой покорно, как каторжник.

Похоронная процессия чёрной змеёй вилась от аллеи к разрытой могиле. Вместе со всеми Карина продвигалась к ней ближе и ближе. Жирные вороны, похожие на чернильные кляксы, примостились на голых ветках, умными глазами глядя на вереницу людей.

Народу было много. Папиных коллег, деловых партнёров и немногих приятелей Карина знала в лицо, хотя и не всех помнила поимённо. Они подходили к ней, что-то говорили тихими печальными голосами. Некоторые неловко совали деньги. Торопливо и потихоньку – словно стеснялись чего-то. Чего? Того, что они живы и здоровы, у них всё хорошо и спокойно, а она хоронит отца?

Родственников у Карины было мало. Из маминых и вовсе никого не осталось. Дедушка и бабушка, мамины родители, умерли вскоре вслед за ней. В тот же год. Не смогли пережить смерть своего единственного ребёнка.

Папины родители тоже умерли, осталась только сестра, тётя Нелли. После института уехала по распределению в Екатеринбург (тогда он ещё назывался Свердловск), да так там и осталась. Вышла замуж, родила сына и дочь, так что у Карины были двоюродные брат и сестра. О которых, впрочем, она знала куда меньше, чем о звёздах кино. Любой, кто хоть изредка смотрит телевизор, читает журналы или пользуется Интернетом, в курсе их дел. А Лена и Саша живут и живут себе за Уральскими горами. Что там с ними происходит? Карина даже точно не помнила, сколько им лет. А видела так и вообще два раза в жизни и то очень давно.

На похороны Лена и Саша не приехали, их отец тоже. Да и к чему им было приезжать? Чтобы посмотреть, как тело чужого им человека опустят в мёрзлую глину? Карина родственников не осуждала. Точнее, вовсе о них не думала. От их присутствия ничего бы не изменилось.

Больше половины пришедших были родными, знакомыми и коллегами Азалии. Они сплочённым коллективом сгрудились возле неё – переминались с ноги на ногу, что-то говорили, лили за компанию слёзы, вздыхали, качали головами. Посматривали на Карину, и она читала в их взглядах осуждение вперемешку с жадным любопытством.

Возле могилы стоял папин лучший друг Альберт Асадов. Если сказать по правде, единственный. Все остальные остались далеко-далеко – в школьной и институтской юности. Осунувшийся и постаревший, остановившимся взглядом смотрел он на тело друга. Его жена, Зоя Васильевна, держала мужа за руку, готовая в любую минуту метнуться к нему с лекарствами наизготовку. Вчера вечером у дяди Альберта случился сердечный приступ, и она боялась повторения. Детей у них не было, они жили друг другом, постепенно вращая один в другого, наподобие сиамских близнецов.

С Асадовым папа познакомился лет тридцать назад. Они вместе работали на заводе, в проектно-отделе. Вместе же и ушли оттуда в бизнес, организовали архитектурно-строительную фирму, «Мастерскую Айвазова и Асадова». Теперь фирма тоже осиротела.

Со стороны аллеи, разрывая скорбную кладбищенскую тишину, внезапно зазвучала музыка. Заплакала, застонала скрипка, надрывая душу. Карина вздрогнула от неожиданности и споткнулась, уткнувшись носом в спину идущей впереди женщины из свиты Азалии.

– Извините, – пробормотала она.

«Опустела без тебя земля», – причитала скрипка. Музыка ввинчивалась куда-то под кожу, дёргая обнажённые нервы.

– Скажите ему кто-нибудь, пусть перестанет! – не выдержала Карина. Выкрик получился хриплым, грубым, как будто она разучилась говорить. Все стали оборачиваться, смотреть на неё, как вороны с веток.

– Пожалуйста, пусть прекратит, – повторила Карина жалобно и тихо.

Мужчина в солидной дублёнке, кажется, папин бывший одноклассник, откликнулся на её мольбу, протиснулся к аллее и начал что-то говорить рокочущим начальственным басом. Музыка резко смолкла.

– Человеку тоже зарабатывать надо, – проговорила женщина впереди, не успев понизить голос.

...Спустя примерно час всё было кончено. Возле могилы не осталось никого, кроме Карины. Она сидела прямо на снегу, глядя на чёрный гранитный памятник. Мамин. Отец всегда хотел быть похороненным возле неё. Азалия заикнулась о новом кладбище за городом, но тут выступила тётя Нелли. Помнила, что говорил брат и желала исполнить его волю.

Теперь папа с мамой будут навсегда вместе. Им отворились двери в вечность, и они сейчас знают самую главную тайну. Ту, которая открывается только после смерти. Сознание собственного неизбывного одиночества и оглушающее, тяжкое горе вдруг тонким клинком воткнулись в бедный, измученный мозг Карины, и она наконец заплакала. А начав, не могла остановиться. Скорчилась на истоптанном снегу и выла, как потерянная собачонка, захлёбываясь слезами.

В голове вспыхивали и гасли обрывки мыслей. Папы нет, и больше не будет. Он никогда не придёт. Не спросит, как дела. Не засмеётся. Не произнесёт громко в телефонную трубку своё всегдашнее: «Да, слушаю». Не скажет: «Дочь, ты молодец, горжусь тобой». Не обнимет.

Я не услышу его голоса, не поцелую в колючую щёку, не почитаю своих стихов. Не смогу сказать ему, как сильно его люблю. Не сумею попросить прощения. И он не ответит мне: «Брось ты, это же такая ерунда в масштабе жизни».

У него больше нет этой жизни. Наверное, и даже наверняка, есть другая. Но этой-то, в которой сейчас живёт Карина, точно нет. И масштабы у него теперь совсем иные. Ей до них не дотянуться.

Она плакала и плакала, но слёзы не приносили облегчения. Только делали больнее, царапали, рвали горло и душу.

Глава 2

Мама умерла, когда Карине едва исполнилось четыре года. Самое яркое и чёткое воспоминание детства было связано как раз с её смертью. Папа, стоя на коленях, обхватил руками гроб с телом жены, и глухо рыдал. Карина стояла на пороге комнаты и тоже плакала. Они остались с папой совсем одни.

Карина почти не помнила маму – так, чтобы самостоятельно, своей собственной памятью, не по фотографиям и папиным рассказам. И в этом заключался весь ужас и огромная несправедливость. Она помнила свою безграничную любовь к маме, но не её саму! В памяти

осталось ощущение заботы, тепла и покоя, мягкость светлых пушистых волос и невыразимо уютный и родной запах.

У мамы обнаружилось редкое страшное заболевание – рассеянный склероз. Последний год своей недолгой жизни она провела в Москве, в больнице. И маленькая Карина с папой приезжали туда навестить её, когда врачи разрешали.

Карина помнила палату с тремя койками, раковину в углу и то, как солнечные лучи косыми полосками лежали на жёлтом линолеуме. От этого пол нагревался: получалась одна полоска тёплая, другая прохладная. Карина ходила по полу в одних носочках и ступнями ощущала то тепло, то холод.

Мама прижимала её голову к своей груди, целовала в макушку и что-то говорила – теперь уже не вспомнить, что именно. Однажды Карина почувствовала, как ей на лоб упала тёплая капля, она подняла голову и обнаружила, что мама плачет. Никогда раньше Карина не видела, чтобы кто-то из взрослых плакал. Она так растерялась, что тоже заревела.

Потом, когда Карина стала чуть старше, она спросила отца, почему мама тогда плакала – ей было больно? А папа ответил, что нет, она рыдала вовсе не от боли. Маме было страшно.

– Она боялась умирать? Умирать страшно? – с детской прямоотой поинтересовалась Карина.

Отец помолчал минутку, а потом ответил:

– Нет, дочь, я думаю, пугает не смерть сама по себе. Мама ведь просто ушла в иной мир. Люди не исчезают бесследно – они уходят туда, где мы уже не можем их видеть. Но они видят тех, кто остался жить. Мама плакала, потому что очень боялась за тебя и меня. Ей было невыносимо оставлять нас здесь одних. Бросать.

Сейчас Карине двадцать три. Именно столько, сколько было маме, когда та умерла. Карина будет стареть, покрываться морщинами, седесть, горбиться, сохнуть или болезненно поправляться, а мама навсегда останется юной и прекрасной. Для неё земное время остановилось.

Папа часто говорил, что дочь очень похожа на маму, тоже Карину. Если сильно приглядеться, то сходства мало. У Карины-старшей были тёмные глаза и светло-русые волосы. А у Карины-младшей – наоборот. Волосы каштановые, глаза – серо-голубые. У мамы был правильный прямой нос, а у дочери – чуть вздёрнутый. Мама была рослая и фигуристая, Карина – невысокая хрупкая худышка.

Однако форма губ и разлёт бровей, овал лица и поворот головы, ямочки на щеках и ногти-лопаточки, манера заламывать левую бровь и привычка смеяться, запрокидывая голову, касаться пальцами лба, когда задумается, – всё то, что составляло облик Карины-мамы, с детальной точностью было воспроизведено в её дочери. Только вот характер совсем другой. В Карине-младшей никогда не было маминой лёгкости, общительности, простоты.

Как-то раз, будучи маленькой девочкой, Карина услышала, что называть дочь именем матери – плохая примета. Смертоносная. Мать отдаёт дочери свою жизнь и потому умирает молодой... Прибежала из школы вся зарёванная. Рыдала в голос и кричала, зачем папа и мама назвали её так?! Разве мало было других имён? Если бы они назвали дочь, например, Наташей, Светой или хотя бы Дариной, изменили одну-единственную букву, то мама была бы сейчас жива! У неё тоже была бы мама, как у всех других детей!

Отец долго не мог успокоить дочь. Разве можно растолковать охваченному отчаянием и болью ребёнку глобальные вещи вроде Божьего промысла, судьбы, предназначения? Тем более если и сам нет-нет, да и усомнишься в справедливости мироустройства, при котором любимые жёны уходят так рано, оставляя мужей на руках с крошками-дочерьми...

Папа у Карины был – каких поискать. Всю жизнь старался за двоих, пытался не просто быть отцом, но и заменить собой мать. Выслушивал дочкины секреты и жалобы, развеивал страхи, вытирал слёзы. Разучивал с ней песенки, заплетал косички. Готовил завтраки, обеды

и ужины, помогал делать уроки. Давал советы, наказывал и хвалил. Ходил на родительские собрания и возил на отдых. Приучал к домашним делам и читал её стихи. Был другом, соратником, критиком, обожателем. Карина не мыслила себя в отрыве от отца.

Хотя, как в песенке поётся, «папа может всё, что угодно, только мамой не может стать». И Карина всегда тосковала по маме. Она практически не помнила её присутствия, но зато остро ощущала отсутствие.

Конечно, с годами привыкла к своему сиротству. Вернее, свыклась с ним, потому что привыкнуть к такому невозможно. Но в ней навсегда поселился страх потерять ещё и отца. Остаться совсем одной. Она слишком рано поняла, что близкого человека могут отнять у неё в любую секунду.

Карина любила отца глубокой, не рассуждающей, какой-то суеверной любовью. Как язычник, который с безграничной надеждой припадает к своему деревянному идолу. Папа с детства был для неё опорой и гарантом нормальности этого мира. Всё было стабильно, правильно и закономерно только при одном условии: отец находится в пределах досягаемости. Даже когда они отделились друг от друга в прошлом году, отец всё равно – был. Просто был, и всё. Подними трубку – услышишь голос. Зайди в гости – увидишь.

И теперь, когда папы не стало окончательно, Карина ощутила жуткую, неисправимую пустоту. Она не представляла, как сможет приучить себя жить с нею. Это было похоже на ампутацию какой-то части души. Оторванная часть ныла и стонала, заставляя мучиться от фантомной боли.

После кладбища Карина, тётя Нелли и Азалия приехали домой. Туда, где Карина раньше жила с отцом, и откуда сбежала в съёмную хрущобу.

Поначалу вместе с Азалией собиралась и добрая половина её знакомых и родственников, но та заявила, что ей нужно «прийти в себя». Карина вдруг вспомнила, как на кладбище вдова внезапно заголосила, запричитала и сделала точно рассчитанную попытку броситься в раскрытую могилу. Несколько пар рук обхватили её, удержали, оттащили от края. Кто-то зарыдал, кто-то принялся совать ей в рот лекарство... Дешёвый спектакль.

Они втроём сидели на просторной кухне, пили чай, отогревались. Чай был так себе, жидковат. Зато к нему прилагались пирожные. Разумеется, не собственного производства, а из супермаркета. Азалия любила обильно поесть, но терпеть не могла готовить. А если и бралась, то получалось незнамо что. Поэтому отец готовил сам, у него это отлично получалось. Либо они покупали готовую еду.

Азалия своей кулинарной неумелостью гордилась, усматривая в этом признаки аристократизма. Каждый раз давала понять, что кастрюлями и сковородками гремят женщины попроще и попроще. Замотанные и затравленные бытом тётки. Карина не раз слышала, как она произносит:

– Мясо, шоколад и коньяк – вот моя еда. И не надо часами у плиты стоять!

Сейчас она деловито, кусок за куском, укладывала в себя пирожные и запивала чайком. Смерть мужа, видно, не лишила её аппетита. Зрелище было почти неприличное, и Карину замутило. Она отвела взгляд.

Кухня, как и вся папина квартира, была отремонтирована в полном соответствии со вкусами новой хозяйки. Здесь теперь было броско, модно, стильно, современно, престижно, дорого... можно продолжить описательный ряд. Карине казалось, что она находится в салоне интерьеров. Или на съёмках сериала про жизнь богатых и знаменитых.

И всюду, на всех мало-мальски пригодных поверхностях, стояли свечи, свечки и свечечки. Большие и маленькие. Разноцветные, в тяжёлых подсвечниках и на изящных подставках. Ароматизированные, необычной формы, самые простые.

– Кариночка, ты теперь опять сюда переберёшься? – тётя Нелли совершенно по-отцовски сдвинула брови, так что между ними пролегла вертикальная складка. Сняла очки, и её глаза сразу стали казаться меньше, а лицо моложе.

Она не успела ответить, как вмешалась Азалия.

– А как же? Зачем деньги тратить. Которых и нет...

Деньги за Каринину квартиру платил отец. Кроме того, каждый месяц, с тех пор, как она поступила в институт, переводил на её карточку определённую сумму. И продолжал помогать деньгами до последнего времени. Её зарплаты хватало бы ровно на три недели проживания в съёмном жилище, при этом на еду, бензин и прочее уже не оставалось бы. Конечно, деньги на карточке пока были, тратила Карина немного, однако снимать жильё в сложившейся ситуации было непозволительной роскошью.

И, конечно, Азалия не преминула об этом напомнить.

В другое время Карина разозлилась бы: не будь мачехи, не было бы и ссоры с отцом. Зачем ей тогда понадобилось бы уходить? Но сейчас сил на злость не осталось. И всё же она попыталась ответить с некоторым вызовом:

– Конечно, я сюда перееду. Это же и мой дом. – Слова прозвучали жалко и повисли в воздухе.

Тётя Нелли звякнула чашкой о блюде и неуклюже заметила:

– Вы, девочки, теперь должны держаться вместе.

Азалия неожиданно горячо поддержала её:

– Конечно, Нелличка, конечно! Я Кариночку от себя не отпущу, она мне как дочь!

«Лицемерка гадкая!» – подумала Карина. Она была уверена, что будь у неё такая возможность, мачеха прямо сейчас пинком вышвырнула бы падчерицу за дверь: их неприязнь была взаимной и стойкой. Даже тётя Нелли, и та несколько опешила от столь явной демонстрации фальшивых чувств, но быстро взяла себя в руки и принялась петь дифирамбы душевным качествам снохи.

Карина молча смотрела на Азалию. Всё-таки, что отец в ней нашёл? Хотя, если честно признаться, мужчинам она нравится. Вроде и фигурой не вышла: кургузая, с короткими полными ногами. Тумбообразная, как в анекдоте: 90–90 – 90, где талию делать будем? Лицо словно бы мельчает книзу с каждой чертой: высокий крутой лоб, широкие скулы, светло-карие глаза чуть навывкате, острый нос с горбинкой, маленький рот с мелкими хищными зубками, крохотный подбородок.

Но чего не отнять – так это умения себя подать. Ухоженная, мягкокожая. Рассыпчатый томный смех. Пышные блестящие волосы. Ленивая кошачья грация. Протяжные, манящие интонации низкого голоса.

Карина встала и выплеснула в мойку остывший чай.

– Тётя Нель, я пойду, наверное. – Она наклонилась и мазнула губами по тёткиной щеке. От щеки сладко пахло пудрой. Коротко взглянула на мачеху, кивнула ей и вышла из кухни.

Азалия тихонько вздохнула и выразительно подняла брови. Нелли понимающе покачала головой и проводила племянницу осуждающим взглядом.

– За что? Нелличка, ну вот скажи – за что она так со мной? Разве я заслуживаю?

– Аличка, что ты такое... – завела Нелли.

– погоди, погоди, – глухим от слёз голосом прервала вдова, – ты человек, который может посмотреть на ситуацию... непредвзято. Скажи, что я ей сделала?! Гоню её из дому? Нет! Обзываю, оскорбляю? Нет! Виновата только в том, что её отец выбрал меня. Мы любили друг друга. Нелличка, я так его люблю! Просто не знаю, как мне дальше жить без него. В такой вот обстановке... не могу...

Она перестала сдерживаться и разрыдалась, уронив голову на руки. Нелли тоже заплакала и принялась поглаживать сноху по густым волосам. Ей было больно, обидно за брата, которого не понимала собственная дочь, и очень неловко.

Азалия, которую она, в сущности, практически не знала и видела второй раз в жизни, ей понравилась. В июле, на свадьбе, Нелли поразил вид брата. Таких сияющих глаз, такой ликующей улыбки на его лице она не видела лет двадцать. Вторая супруга Наиля оказалась ей женщиной умной, даже лучше того – мудрой, интеллигентной, душевной.

Больше они не виделись вплоть до похорон. Но каждый раз во время телефонных разговоров Наиль взалхлёб рассказывал сестре о своей Аличке. Правда, вспомнила она, после Нового года не позвонил ни разу... А когда они поздравляли друг друга с праздником, ей показалось, что брат говорил вымученно, напряжённо. Хотя это могло и показаться.

Неприязнь племянницы к новой жене отца Нелли считала проявлением эгоизма, ревности, самовлюблённости. И очень сердилась. Судя по всему, Карина мачехе тоже не слишком нравилась, но та хотя бы пыталась наладить отношения.

– Аличка, милая моя, успокойся. Что ты, перестань, пожалуйста, – беспомощно бормотала Нелли. – Она же ещё совсем девчонка. Избалованная, конечно. Но ведь без матери росла, Наиль ей и за маму, и за папу... Не обижайся на неё.

– Разве я обижаюсь?! – Азалия вскинула голову и уставилась на Нелли блестящими от слёз глазами. – Просто... Неужели нельзя хоть на какое-то время забыть о конфликте? Ради памяти отца.

– Да, Аличка, да, избаловал он её. Я всегда говорила, нужно жениться, у ребёнка должна быть мать. Тем более у девочки! Так радовалась, что он наконец-то женился. Поздновато, конечно, Каринка выросла... Ну, то есть я не в том смысле, что ему надо было кого-то другого пораньше выбрать, а... – Она запуталась в словах и потерянно замолчала.

– Так стараюсь, всей душой к ней готова, а она...

Азалия жаловалась и стенала, а Нелли ласково гладила сноху по голове и старалась успокоить, почти не вникая в её слова. Она устала, хотелось прилечь. Ноги гудели, голова кружилась, слегка мутило. Наверное, давление подскочило.

«Быстрее бы уж домой!» – подумала Нелли и тут же устыдилась своих мыслей. Наверное, по-хорошему надо бы хоть до третьего дня остаться, поминки справить... Но ведь работу тоже не бросишь! Послезавтра уже надо быть на службе.

Она понимала, что это лишь отговорка. Ей просто хотелось оказаться подальше отсюда. Напряжение висело в воздухе, как шаровая молния. Нелли некстати вспомнила, как в пионерском лагере после отбоя они с ребятами пугали друг друга страшилками про Чёрную руку, Красное пятно и эту самую молнию. Будто бы девочка и мальчик остались дома одни, а бабушка ушла и строго-настроено наказала закрыть окошко, если начнётся гроза. А иначе шаровая молния залетит! Но дети, естественно, не послушались, и огненный мяч влетел в окно, проплыл через всю комнату и сжёг непослушных детей, а заодно и всю квартиру. Только угли остались... И что за чушь лезет в голову!

Ладно, поминки можно сделать и дома, для своих. А Азалия здесь всех соберёт. На Карину никакой надежды. Нелли ещё раз глубоко вздохнула и постаралась сосредоточиться на причитаниях снохи.

Глава 3

Карина закрыла за собой дверь, медленно пересекла комнату и подошла к окну. С их одиннадцатого этажа открывался шикарный вид. Правда, сейчас было темно, лишь далеко внизу вспыхивали и переливались разноцветные огни. Подмигивали фарами автомобили,

щедро рассыпали бриллиантовые блёстки рекламные вывески, светились уютным светом окна домов.

А чуть дальше – широкое тёмное пространство: это мирно дремала закованная во льды река. Вынужденная сменить жильё, Карина больше всего скучала именно по этой захватывающей дух панораме. Крохотная квартирка, которую она снимала, находилась на втором этаже, и ей страшно не хватало этого вольного волжского простора. Казалось, её заживо засунули в тесный душный гроб.

Карина задвинула шторы и опустилась на кровать. Медленно обвела взглядом комнату. Это был её мир, её вселенная. Место силы. Личный замок. Крепость, где она искала и обретала защиту. Она любила их с отцом дом, быстро начинала по нему скучать и с наслаждением возвращалась из любой, даже самой желанной поездки.

Они переехали сюда через пять лет после маминой смерти. До этого жили в квартире, которая осталась от маминых родителей. Сначала в «двушке» было тесновато: четверо взрослых и маленькая Карина. Потом жильцы один за другим стали навсегда покидать дом: мама, вслед за ней бабушка, потом дед. В конце концов они с папой остались вдвоём. Квартира осиротела, притихла, в углах затаилась скорбь.

Отцу было там очень тяжело. Позже он не раз говорил Карине, что купить другую квартиру и переехать было его заветной мечтой. Или, точнее, вопросом жизни и смерти, залогом выживания. Он готов был пахать, как проклятый, чтобы заработать на новое жильё и не возвращаться каждый вечер туда, где каждая мелочь напоминала об ушедшей жене и пропавшем счастье.

К счастью, их с Альбертом бизнес вскоре стал приносить хороший доход. Да и старую квартиру удалось продать быстро и выгодно. Они перебрались в противоположный конец города, словно спасались, бежали от чего-то.

Новая квартира и по сегодняшним-то меркам может именоваться элитной, а уж тогда... Карина помнила, как отец впервые привел её сюда, показать, где они скоро будут жить. Помнила и свои ощущения.

Мебель ещё не привезли, ремонт в самом разгаре. Квартира выглядела слишком большой, неудобной, пустой. Три огромные комнаты: гостиная, папин кабинет, он же спальня, и Каринина детская. Привыкшей к скромной «двушке» девочке эти хоромы казались чужими, враждебными. Комната, которая полагалась ей теперь, была раза в три больше прежней. Карина растерянно бродила по ней и гадала, чем заполнить эту пустоту.

– Ну, как тебе? – спросил папа.

Она видела, как ему нравится новый дом, как сильно он хочет, чтобы и дочке он тоже пришёлся по душе. Поэтому подавила вздох и постаралась изобразить радость. Но папа, конечно, сразу всё понял. И позвал Карину на лоджию, куда можно было попасть из кухни или из гостиной.

– Иди-ка сюда!

Лоджия была необычная – полукруглая и просторная. Отец приоткрыл одно из окон, и в лицо сразу ударил озорной свежий ветер. Их дом тогда стоял почти на окраине города. Карина глянула вниз и увидела изумрудные луга, перелески и серебристую, сверкающую на солнце реку. Она впервые поднялась на такую высоту и буквально потеряла дар речи от увиденного. «Я сказочная принцесса в башне замка», – пронеслось в голове.

Отец стоял рядом, довольный эффектом.

– Здорово, пап! – закричала Карина.

– Переезжаем?

– Переезжаем!

Она сама выбирала кровать, шкафы, тумбочки, стол, шторы и всё остальное. Здесь всё было – под неё. И для неё.

Съехав, Карина чувствовала себя королевой в изгнании, но возвращение тоже не добавило радости. Ей казалось, что их дом осквернён. Пожалуй, только эта комната, до которой руки Азалии так и не успели добраться, оставалась по-настоящему родной.

Она глубоко вздохнула и с трудом удержалась, чтобы снова не начать плакать. В комнате было тепло, но её всё равно била дрожь. Надо бы сходить в прихожую за сумкой, взять таблетки. Диана сунула что-то успокоительное.

Только вот идти не хотелось. Тащиться мимо кухни, видеть, как наивная тётя Нелли успокаивает эту лживую стерву... Нет уж, спасибо, посмотрелась! Азалия сейчас не упустит возможности, такого нарасскажет – волосы дыбом встанут. Это она умеет.

«Надеюсь, тётя Нелли теперь хотя бы здороваться со мной не перестанет, – вяло подумала Карина. – А вообще-то, какая разница? Завтра улетит домой, пусть думает, что хочет».

Карина боком завалилась на кровать, свернулась калачиком и закрыла глаза. Лежать бы вот так и ни о чём не думать. Забыть, забыться.

Не вышло. Словно назло, в прихожей заверещал мобильник. Она попыталась не обращать внимания, но звонивший был настойчив. Твёрдо вознамерился пообщаться с ней.

Карина вздохнула, поднялась с кровати и выползла из комнаты. «Ладно, заодно тогда и таблетки возьму».

В кухне – та же картина. Тётя Нелли и Азалия вполголоса беседуют о чём-то. Голова к голове, голоса тихо журчат, слова льются и льются. Внезапно Карине захотелось пойти туда и разбить этот тет-а-тет. Заорать или швырнуть на пол что-нибудь тяжёлое. Например, уродливую вазу, которую мачеха притащила домой в первые дни своего появления и водрузила на столик в отцовской спальне. Говорила, это эксклюзивная «модерновая» вещь ручной работы, которая стоит бешеных денег. Карина терпеть не могла подобные «произведения искусства». Бесформенная груда, какой-то обрубок, смутно напоминающий человеческое тело без головы, закутанный в переплетение металлических полосок.

Разумеется, не стала ничего бить и крушить. Незачем лить воду на мельницу Азалии. Давать ей шанс победно глянуть на тётю Нелли: а я что говорила?! Психопатка, чокнутая истеричка, социально-опасная грубиянка.

Карина тихо прошмыгнула к входной двери и принялась искать свою сумку. Звонила Ира Косогорова. Приятельница. Хорошее словечко для таких отношений, как у них с Ирой. Больше, чем просто знакомые, но меньше, чем настоящие друзья.

Ни в школе, ни в институте подруг у Карины не было. Наверное, она не умела дружить. Для этого нужны две вещи: потребность и время. У неё не было ни того, ни другого.

Говорить с другой девочкой о моде, косметике, шмотках было скучно. Она относилась к вещам прагматично и равнодушно: закончилась помада, вышла из моды кофточка, износились джинсы – значит, надо купить новые. Пошла и купила. О чём тут говорить? Что обсуждать?

А беседовать о сокровенном, о своих радостях, страхах или сомнениях, говорить о симпатии к мальчику, обсуждать книги и фильмы, делиться проблемами с кем-то посторонним казалось невозможным. Для таких разговоров был единственный подходящий собеседник – папа.

Что касается времени, его тоже хотелось провести с толком. Куда интереснее было читать и писать стихи. Поначалу, чтобы не прослыть совершеннейшим изгоем, Карина пыталась общаться с одноклассниками.

Но притворяться быстро надоедало, и со временем она оставила это занятие. Держалась особняком, была молчалива и нелюдима. С детства слыла высокомерной, замкнутой, «повёрнутой» чудачкой. Девочки в классе шептались за её спиной, что она задавала, богачка, да вдобавок с приветом. Мальчики тоже сторонились хотя и симпатичной, но чересчур задумчивой Карины, у которой неизвестно что на уме и так просто к ней не подъедешь.

Иногда одиночество удручало, но ненадолго. А после слов отца: «Мало у кого хватает духу позволить себе не оправдывать чужих ожиданий. Ты – отважилась!», Карина и вовсе успокоилась.

В вузе, куда поступила легко и без усилий, её обособленность не казалась чем-то из ряда вон. Училась она в институте культуры и искусств, где каждый студент считал себя человеком необычным. Многие старались, как могли, начиная от эпатажного внешнего вида и заканчивая специально придуманной линией поведения. Конечно, у большинства это было просто интересничание.

Но Карина вздохнула свободно: здесь она не бросалась в глаза. И её материальное положение – тоже. Детей из малообеспеченных семей на их факультете не было. Позволить отпрыску получать профессию культуролога могли лишь состоятельные люди. Люди, которые знали, что их чадам не придётся работать в поте лица, дабы прокормить себя.

В институте у Карины и появились приятели. Они помогали друг другу на семинарах и сессиях, общались на переменах и вечеринках, ходили вместе на дискотеки и в кино, изредка «прошвыривались» по распродажам. Это ненавязчивое общение не задевало души, но помогало развлечься. Прошли пять лет, отгремел выпускной – и все они забыли друг о друге.

Получив диплом, Карина осталась в институте, поступила в аспирантуру. Сейчас заочно училась, работала лаборанткой на кафедре культурологии и философии, писала диссертацию. Здесь, на кафедре, Карина и познакомилась с Ирой. Это была, конечно же, вынужденная дружба. Как у Пушкина хорошо сказано: «от делать нечего друзья!» Больше им общаться на кафедре было не с кем. В основном контингент пожилой, солидные семейные люди. А тут и чаю есть с кем попить, и в магазин за пирожными сбегать, и на студентов оборзевших пожаловаться, и про коллег посплетничать. Правда, говорила в основном Ира, Карина же привычно помалкивала и слушала.

Сейчас Косогорова звонила справиться о её самочувствии.

– Привет, – скорбно молвила она. – Ты как? Ничего?

– Нормально, – коротко ответила Карина.

– Ты уж держись давай.

«За кого? Или за что?» – хотела съязвить Карина, но промолчала. Зачем обижать человека?

– Стараюсь. Спасибо, что позвонила.

– Да что ты! Какое спасибо! Не могла не позвонить, не поддержать. Ты должна держаться.

«Далось ей это, держание»», – поморщилась Карина.

Ира не успокаивалась:

– Кариша, все мы смертны... – глубокомысленно изрекла она. – То есть я хотела сказать... Понимаешь...

– Я понимаю. Спасибо, Ирочка. Я пойду прилягу, ладно?

– Ладно, ладно, конечно, – заторопилась Косогорова. – Ты уж завтра на работу не выходи.

Отдохнёшь...

– Нет, я выйду, – перебила Карина. – Мне так легче.

– Пока, Кариша.

Экранчик погас. Телефон удовлетворённо замолчал. Карина задумчиво смотрела на него. Неужели всё-таки ждала, что он позвонит? Где-то там, в запретной зоне, жила надежда?

Она отключила телефон, небрежно бросила его в сумку, нашарила в боковом кармашке упаковку с пилюлями и торопливо прошла в ванную. В кухне наметилось какое-то движение, а сталкиваться с тёткой или Азалией желания не было.

Защёлкнула серебристый замочек и перевела дыхание. Как же она будет жить с Азалией в одной квартире, если это вынужденное соседство вызывает такую неприязнь? Ответа не было. Карина засунула в рот сразу две жёлтые таблетки, разделась и залезла под горячую воду.

Она обожала принимать душ и валяться в ванне. В воде ей легче думалось, мысли обретали чёткость. И стихи писались, и проблемы решались. Отец называл её русалкой.

Сама Карина считала: любовь к воде объясняется тем, что это её стихия по гороскопу. Она родилась под знаком Водолея. 22 февраля. Это будет первый день рождения без папы. Ей больше не от кого ждать поздравлений. Да и не нужны они ни от кого. Карина глубоко вздохнула и ополоснула лицо. Не помогло: она снова заплакала.

Вылезла из ванной уже ближе к полуночи. К её удивлению, очень хотелось спать. Видимо, таблетки подействовали: мысли сделались тягучими и вялыми. Она с трудом постелила себе, забралась в кровать и моментально заснула, не успев додумать мысль, что надо бы запереть дверь.

Глава 4

Карина второй час добиралась до работы. Обычно дорога отнимала минут сорок. Но из-за снегопада, который начался со вчерашнего вечера и продолжался до сих пор, проехать было практически невозможно. Она опоздала уже на пятнадцать минут, позвонила и предупредила, что задерживается.

Трубку снял заведующий кафедрой, профессор Семён Сергеевич Савин, которого за глаза все звали СС. Никакой связи с характером кличка не имела – профессор был безобидным милейшим стариканом, всю жизнь посвятившим преподаванию. Редкий случай: Савина обожали и студенты, и коллеги.

Институтские старожилы рассказывали, что лет десять назад у Савина случился второй инфаркт. Увезли на «скорой» прямо с экзамена. Все были уверены, что если Семён Сергеевич и выживет, то уж в институт точно не вернётся. Но через два месяца легендарный СС был на своём посту. Несмотря на категорические запреты врачей и бурные протесты жены.

С тех пор в институте сменились два выпуска студентов. Жена Семёна Сергеевича умерла от рака пять лет назад. А его самого любимая работа крепко держала на этом свете.

Жил он в двух шагах от института, поэтому снегопад не помешал ему прийти на работу как обычно. Семён Сергеевич неизменно являлся в восемь утра, вне зависимости от того, во сколько у него по расписанию занятия и есть ли они вообще. Карина полагала, что живи профессор Савин в другом конце города, это бы ровным счётом ничего не меняло.

На Каринины оправдания СС рассеянно молвил:

– Не переживайте, Кариночка, добирайтесь спокойно. Все опаздывают – такая уж нынче погода.

Требовательный к себе, к другим профессор был снисходителен. Однако никто и никогда его добротой не злоупотреблял.

Дорожники не успевали расчищать магистрали, и поток машин двигался с выматывающей нервы черепашьей скоростью. По радио диджей рапортовал о новых авариях на дорогах, водители психовали, «дворники» лихорадочно металась по стеклу, снег валил...

«Отличный день рождения! Лучше не придумаешь», – горько усмехнулась про себя Карина. Разумеется, был бы жив папа, ни снегопад, ни пробки, ни какие угодно катаклизмы не помешали бы ей получить свою порцию радости.

Но сегодня из близких её поздравила только тётя Нелли: позвонила в семь утра из Екатеринбурга. Карина как раз допивала кофе. Тётка словно отсекла от себя Уральскими горами грустные мысли и переживания: голос звучал бодро и оптимистично.

Она речитативом отбарабанила положенные пожелания, для порядка поинтересовалась, как племянница себя чувствует, получила фальшивые уверения, что всё в порядке и повесила трубку, сообщив, что у них уже девять утра, у неё начался рабочий день и больше разговаривать она не может.

Обе повесили трубки с облегчением. Нелли вести светскую беседу мешало смутное чувство, что она отрешивается от чего-то важного. Карине попросту не о чем было говорить с тёткой.

Под конец разговора в кухню вплыла Азалия. Она работала начальником юридического отдела в крупной компании, которая занималась чем-то, связанным с нефтью. Вставала рано, обычно не завтракала, только пила зелёный чай с ложкой мёда, зато не менее часа рисовала лицо. Они выходили из подъезда примерно в одно и то же время, садились в свои машины – Карина в белую малолитражку, Азалия в роскошный алый джип – и разъезжались по своим делам.

– Утро доброе, – пропела мачеха, – у тебя сегодня день рождения?

– Да. И тебе доброго утра.

– Поздравляю, дорогуша. Как отмечать планируешь?

Карина оторопела, поражённая неуместностью вопроса, и язвительно ответила:

– Известно как. С песнями и плясками. Обстановка-то располагает к веселью.

Ждала, что Азалия смутится, но та не отреагировала. Спокойно заварила себе чаю в маленьком чайничке, достала пузатую банку с мёдом, мурлыча под нос песенку.

Когда рядом не было никого, перед кем требовалось играть, она не утруждалась изображать убитую горем вдову. Карина в число зрителей не входила, так что в её присутствии мачеха напевала, пила любимый коньячок, смотрела сериалы и шоу, слушала музыку, болтала по телефону. Жгла мерзкие ароматизированные свечи, и в результате вся квартира пропиталась удушливым горько-сладким ароматом. Карина ни разу за эти дни не увидела следов слёз на её лице. Ни аппетита, ни сна Азалия тоже не потеряла.

Разумеется, на поминках поведение коренным образом менялось. На свет Божий извлекались приличествующие случаю атрибуты: кружевной чёрный платок, помада блёклого персикового оттенка, строгое тёмно-серое трикотажное платье, туфли на низком каблукке. На лицо навешивалась печальная мина, волосы укладывались в старомодный пучок.

Преображение было поистине удивительным. Откуда-то возникали горькие складки возле губ, глаза казались чуть припухшими от бессонных ночей, руки начинали слегка подрагивать. Но самым поразительным было умение плакать: бурные потоки слёз начинали извергаться из глаз всякий раз, когда ей было нужно.

В Каринином институте был театральный факультет, и она время от времени присутствовала на постановках, репетициях и мастер-классах. Однажды наблюдала, как режиссёр пытался заставить начинающих актёров плакать.

Юноши и девушки, которые готовились в ближайшем будущем штурмовать экраны и театральные подмостки, старались изо всех сил. Сосредотачивались и собирались с мыслями. Вспоминали самые страшные, унижительные и грустные моменты своей жизни. Пробовали воскресить в памяти «слезоточивые» эпизоды фильмов и книг. Режиссёр пугал их, орал и оскорблял – ничего не помогало. Чем всё закончилось, смог ли хоть кто-то зарыдать, Карина так и не узнала, ушла. Но то, что заставить себя плакать усилием воли часто не под силу даже профессиональным (ну, пусть полупрофессиональным) актёрам, убедилась.

Азалия же делала это легко и играючи. Раз – и она горько рыдает, а все окружающие бросаются её утешать. Два – и слёзы высыхают, вдова «умудряется взять себя в руки», чем вызывает ещё большую приязнь и уважение окружающих. «Как страдает, бедняжка! Но при этом как держится!»

Карину поражал этот неприкрытый, откровенный цинизм, ей было обидно за отца, который, оказавшись на месте Азалии, вне всякого сомнения, вёл бы себя совсем иначе. Она знала, что с ним творилось после смерти мамы. Помнила, как он многие годы дважды в неделю ходил на её могилу.

То, что вытворяла Азалия, было злым фарсом, гримасничаньем, оскорблением его памяти. Карина точно знала это, но кто бы ей поверил? И она молчала, старалась не связываться, по привычке глубже прячась в свой панцирь.

Больше в то утро между ними не было сказано ни слова. Девушка поспешно ретировалась из кухни, оделась и ушла на работу раньше обычного. Ей нужно было зайти в магазин, купить продукты и разные мелочи: именинники на кафедре традиционно «проставлялись». Полагалось прибыть наряженной, напомаженной, накрыть шведский стол, получить в подарок букет и какую-нибудь безделушку, выслушать пожелания и растроганно поблагодарить коллег.

Телефон призывно загудел, завибрировал. Кто бы это мог быть? Звонок с работы исключался. Поздравлений Карина ни от кого не ждала: тётя Нелли уже отметилась, Ира звонила час назад, Диана тоже. Старшая подруга всегда поздравляла её лично, но на этот раз не смогла: была в командировке. Работала в пресс-службе крупного кондитерского холдинга, и позавчера уехала в региональное отделение, писать о тамошней сдобно-сладкой жизни. Впрочем, подозревала Карина, она в любом случае не стала бы звонить к ним в дверь: вряд ли ей захочется наткнуться на Азалию. Это была отдельная история.

Карина дотянулась до телефона, и сердце, вопреки всему, почему-то ёкнуло. Некоторое время она тупо пялилась на экран, потом всё же ответила:

– Аллю.

– Привет, Манюня! – произнёс знакомый голос. – Поздравляю, дорогая. Всего тебе и побольше.

– Спасибо, Жан, – сдержанно отозвалась она. – Но не стоило утруждаться. И не зови меня так.

– Прости, по привычке. Чего невесёлая? Занята?

– За рулём.

– Ясно. Как ты? Как отец?

Разумеется, Жан ничего не знал: они не общались примерно десять месяцев. Причём расстались далеко не друзьями. Потому и удивительно, что он звонит и ведёт себя, как обычно. Врождённое нахальство. Карина бы так не смогла.

– Папа... умер.

– Как? Прости, он что болел или...

– Сердце.

Она не могла ни с кем обсуждать папину смерть. Говорила, только если промолчать было невозможно. И никогда не плакала на людях.

– Мне, правда, жаль. Почему не позвонила? Мы не чужие люди...

– Давно уже чужие.

– Зря ты так. Может, помощь нужна?

То, с какой проникновенной задушевностью он умел иногда говорить, раньше производило на Карину сильнейшее впечатление. Позволяло считать, что Жан просто носит на людях маску – это у него профессиональное. А на самом деле тонкий, глубокий и ранимый человек с большим сердцем и широкой душой. Только ей, Карине, и открывается по-настоящему. Лишь спустя долгое время она поняла, что это всего-навсего часть роли, чётко продуманная тактика для извлечения выгоды. И опробует её Жан абсолютно на всех, кто ему нужен и может быть полезен.

Она ничего не ответила, и он продолжил:

– Я подумал, может, мы могли бы...

– Нет, не могли бы. И вообще, зачем ты звонишь? Неужели не с кем провести вечер? Все твои девки заняты?

– Просто хотел поздравить... Не думал, что...

– Спасибо. Извини, не могу больше говорить.

Она бросила трубку, злясь на себя за свою несдержанность. Теперь он подумает, что по-прежнему небезразличен ей!.. С другой стороны, пусть думает, что хочет.

Через пятнадцать минут девушка входила в просторный вестибюль. Здесь её догнала Ира, и, оживлённо щебеча, помогла дотащить пакеты до третьего этажа. Карина слушала вполуха: выбросить из головы Жана пока не получалось.

Глава 5

На самом деле её бывшего возлюбленного звали Иваном. Но никто не называл его настоящим именем: он давно взял себе сценический псевдоним Жан Пожидаев, и теперь даже родная тётка именовала племянника Жаном. Матери и отца он не знал: родители погибли, когда ему было три года.

Карина познакомилась с ним в институте. Жан учился на театральном факультете, был на два года старше. Она оканчивала третий курс и пришла на дипломный спектакль выпускников.

Ставили современную пьесу, довольно слабенькую. Теперь уж не вспомнить ни автора, ни названия. На сцене былолюдно, шумно и красочно, актёры играли задорно, с огоньком, благосклонная публика не скупилась на овации.

Но Карина замечала только главного героя. Он появлялся в каждом действии, участвовал почти во всех диалогах и вытягивал постановку, умудряясь сделать яркими и значимыми откровенно провальные сцены. Вне всякого сомнения, это был чрезвычайно одарённый актёр. И очень красивый парень.

Прекрасная фигура, подвижное, выразительное лицо, большие глаза, правильные черты. Ямочки на щеках, открытая обаятельная улыбка. Волосы – густые, волнистые, длинные – были того редкого оттенка, который принято называть пшеничным. Он был высокого роста: как позже выяснилось, Карина едва доставала ему до плеча.

Единственным недостатком идеальной внешности был курносый нос, поэтому Жан терпеть не мог поворачиваться к кому-либо в профиль. Карина не заметила бы этого изъяна, но он сам однажды пожаловался ей на досадный промах природы. «Ничего, – в шутку говорил Пожидаев, – стану звездой, сделаю пластику». Впрочем, почему в шутку? Во всём, что касалось его персоны, Жан был предельно серьёзен.

В тот вечер, после окончания спектакля, Карина сделала то, чего не делала ранее: отправилась с сокурсницами на вечеринку за кулисы.

Ушли они оттуда вместе с Жаном, в самый разгар попойки.

Никогда раньше с ней не случалось ничего даже отдалённо похожего на это озарение. Странно, но романтическую и впечатлительную Карину обошли стороной подростковые увлечения и школьные романы. В старших классах за ней ухаживал мальчик Серёжа, но его чувства вызывали только раздражение. Будучи студенткой, она два раза ввязывалась в ненужные ей отношения. Оба романа закончились, не успев толком начаться.

Тем сильнее и оглушительнее было внезапно обрушившееся на неё осознание того, что раньше она жила неправильной, половинчатой, ущербной жизнью. «Только влюблённый имеет право на звание человека». Как она была теперь согласна с Блоком! Как хорошо понимала своего отца, который никак не мог научиться жить без своей любимой!

Карина засыпала с мыслями о Жане и просыпалась, счастливая тем, что увидит его сегодня. Их отношения, начавшись в тот майский вечер, продолжались около двух лет. А когда закончились, она сказала себе: такое с ней было в первый и последний раз. Второго она просто не выдержит.

Даже в самые счастливые дни их романа она не могла не удивляться тому, что они вместе. Трудно было найти двух людей, которые настолько мало понимали друг друга, вращались

в чуждых мирах, читали разные книги, исповедовали противоположные ценности, молились разным богам.

Слишком поздно Карина осознала, что единственной любовью Жана была сцена. Он грешил о славе, болел театром и мечтал сниматься в кино. Однако дело было даже не в том, что девушке недоставало его внимания...

Она не стремилась подчинить себе его думы. По складу характера была лишена честолюбия и не стремилась играть первую скрипку, не боролась за лидерство в их паре. Она охотно отдавала Жану право быть ведущим, соглашалась прятаться в его тени, признавала редкую одарённость любимого, была его самой преданной поклонницей.

Он беззастенчиво пользовался своей властью и обращал Карину в свою веру. Девушка покорно таскалась за ним на вечеринки, давась, пила дешёвое вино, научилась курить. Общалась с его друзьями и подругами, выслушивала их трёп, принимала участие в шутках и розыгрышах. Её желания и потребности в расчёт не принимались.

Жана взяли в драматический театр, и она проживала вместе с ним все спектакли, обсуждала закулисные интриги, читала сценарии, разучивала роли. Он готовил себя к головокружительной карьере, и Карина должна была поддерживать любимого на пути к Олимпу. Понимать, не перечить, не раздражать.

Жан полностью подчинил и обезволил Карину. Постепенно их роман, став воздухом, без которого невозможно жить, перестал приносить ей радость. Она чувствовала себя потерянной и чужой самой себе, но остаться одна, без него, всё-таки не могла. Мысль, что в их отношениях много перекосов, что они строятся на неверной основе, когда один постоянно жертвует собой во имя другого, отдавая себя по капле и ничего не требуя взамен, время от времени всплывала на поверхность сознания. Однако почти сразу же пугливо исчезала. Карине никогда не удавалось ухватить её и додумать.

Сомнения и переживания находили отражение только в стихах. Они буквально выливались из её исстрадавшейся растерянной души. Потом она объединила их в цикл, которому так и не сумела придумать названия. Три стихотворения решила послать на конкурс. Первого приза не получила, но звания «Открытие года» удостоилась.

Что, впрочем, самоуважения ей не прибавило. Совсем плохо стало спустя примерно год. Папа, редко позволявший себе передышку, взял двухнедельный отпуск, и увёз дочь на морское побережье, невзирая на её протесты: Карина представить себе не могла, как она будет жить без Жана целых две недели.

Но отец был непреклонен. Наверное, надеялся, что в поездке Карина наберётся новых впечатлений, забудется, а возможно, и познакомится с кем-то.

Жана отец не просто недолюбливал – откровенно не выносил. И не скрывал этого, хотя поначалу и пытался как-то притерпеться. Эгоизм молодого актёра, его неприкрытая самовлюблённость и самолюбование вызывали у Наила отвращение. На то, как любимая дочь хвостом ходит за неприятным ему человеком, он не мог смотреть без постоянных терзаний. Пытался поговорить с Кариной, но неизменно наткнулся на стену. Однажды, не сдержавшись, высказал всё, и между отцом и дочерью впервые в жизни произошла крупная ссора. Конфликты по поводу Азалии были ещё впереди...

Поездка в Испанию стала для Карины кошмаром. Мучительно длинной чёрной полосой. Она не просто скучала, ей было физически плохо. Поднималась температура, ломило всё тело. Она считала дни и ночи до возвращения домой. Отец мрачнел ипил больше обычного.

Повеселела Карина только ближе к отъезду. Вернувшись, едва успела принять ванну, наскоро привела себя в порядок и, не разобрав чемоданов, помчалась к Жану. Прихватила пару сувениров, которые купила для него в Испании, и бутылку обожаемого им коньяка.

По дороге пару раз позвонила ему на сотовый, но тот упорно не брал трубку. Карина вихрем ворвалась в подъезд и приготовилась взлететь на третий этаж, как вдруг замерла. По лест-

нице кто-то спускался. Мужчина и женщина. Они негромко переговаривались между собой, женщина жеманно хихикала. Мужской голос Карина узнала бы из миллиона.

Карина застыла, поставив ногу на первую ступеньку, и не могла пошевелиться. Так и стояла, пока Жан и его спутница не возникли на лестничной клетке прямо перед ней. Она смотрела на них снизу вверх и молчала. Жан обнимал за талию высокую полноватую блондинку в синем сарафане. Девушка прижималась к нему полной грудью и улыбалась. Зубы у неё были крупные, как у лошади.

Карина развернулась, чтобы уйти. Но Жан сориентировался быстрее. Отшвырнув от себя блондинку, в два прыжка догнал её, схватил на руки и потащил наверх.

Удивительно, но они помирились. Станным был не сам факт примирения – мало ли женщин прощают измены? Из ряда вон были объяснения Жана. Он не говорил, что это случайность. Не утверждал, будто Карина не так всё поняла. Не пытался заставить поверить, что это было в первый и последний раз. И даже не приводил набившего оскомину оправдания людей творческих профессий, объясняющих обычную похоть необходимостью новых впечатлений.

Просто изложил ей свою теорию – ту, которой придерживался всегда, и от которой не собирался отказываться в дальнейшем. Суть её заключалась в том, что секс – такая же естественная потребность организма, как еда, вода или сон. Он не имеет никакого отношения к любви, семье и браку. Допустим, тебе захотелось есть. Что ты делаешь? Ешь. Твоё любимое блюдо – пельмени, ты готов есть их на завтрак, обед и ужин, но с голодухи запросто можешь схомячить и макароны, и манную кашу... Да хоть подошву!

Это не просто потрясло – уничтожило какую-то её часть. Услышанное настолько противоречило Карининым убеждениям, что она не могла уместить всё в своей голове. Жан был её единственным мужчиной. Она отдалась ему легко и естественно, потому что – как иначе? Если любишь человека, то принадлежишь ему целиком.

Сделав свой выбор, она и подумать не могла ни о ком другом. Мысль, что Жан попросту оправдывает свою развращённость, да ещё и пытается получить от неё благословение на блуд, а заодно и прощение на будущее, чтобы не утруждаться извинениями, не приходила Карине в голову.

Если бы она не любила Жана, его постоянные измены не причиняли бы ей той боли, которую она весь следующий год испытывала почти постоянно. Поведая свою теорию, он не старался скрывать своих романов. Девушка мучилась от ревности, но терпела и не устраивала сцен. Ненавидела себя, никому не могла рассказать о том унижительном положении, в котором оказалась. Страшно даже представить, что было бы, узнай обо всём папа!

... Закончилось всё сразу и вдруг. Как-то в мае Карина пришла к Жану без приглашения, хотя уже научилась из чувства самосохранения предупреждать его заранее. У неё был ключ, и она беспрепятственно попала в квартиру. Жан жил с тёткой, у каждого из них была отдельная комната. Войдя, сразу поняла, что у Жана кто-то есть. Первой мыслью было: надо срочно уйти. Развернуться и потихоньку убежать, пока никто не заметил. Тогда можно будет, как обычно, сделать вид, что всё нормально. Пока око не видит, ум не разумеет.

Но ноги сами понесли её в комнату. Потом, спустя некоторое время, она поняла: ей необходим был толчок, чтобы набраться сил и разорвать связь с Жаном. Нужен был повод, чтобы сделать эти отношения невозможными. Больше так продолжаться не могло, она уже дошла до ручки.

Так или иначе, она стремительно распахнула дверь и шагнула в комнату.

Жан действительно был в комнате не один. Было накурено, пахло алкоголем, потом, чем-то горьковатым. Играла тягучая, липкая музыка. Окно было криво занавешено бордовой шторой. В душном полумраке на разложенном диване шевелились лоснящиеся тела. Кажется, их было даже больше двух.

Перед глазами поплыло, и она испугалась, что может грохнуть в обморок. Попятилась, развернулась, чтобы скорее выйти прочь. И оказалась лицом к лицу с тёткой Жана. Та была заметно навеселе, во рту – неизменная сигарета. Немытые волосы собраны в неряшливый хвост, из-под халата выглядывала ночная рубашка.

– Чё? Нравится? – спросила она, расхохоталась и глухо закашлялась, подавившись дымом. Карину она терпеть не могла, постоянно пыталась задеть, подковырнуть. Поэтому сейчас, конечно, от души радовалась её состоянию.

– Думала, нужна ему? Вобла сушёная! Жанчику нормальная баба нужна...

– Нормальная – это вроде тебя, что ли? – неожиданно спокойно перебила Карина. Ей почему-то стало всё равно. Не было отчаяния, боли, не хотелось плакать и впадать в истерику. Даже дурнота прошла.

Конечно, это было не спокойствие, а шок. И потом Карина как следует наплакалась. Но это были хорошие слёзы: очистительные, прощальные.

Говорят, точка зрения зависит от места, с которого смотришь. И Карина словно взглянула на свою жизнь, на Жана, на себя саму совершенно иначе. Она увидела замызанную квартиру, которую тётке недосуг было прибрать, а Жану – отремонтировать. Обвела глазами убогую прихожую с отваливающимися обоями, почувствовала спёртый воздух. Посмотрела на стоящую перед ней неопрятную бабищу с мутными глазами. И её поразила мысль: «Что я здесь делаю? Разве здесь моё место? Не будь в моей жизни затяжного кошмара с этим вырожденком, неужели я оказалась бы здесь?»

– Отвечай! Вроде тебя? – Никогда раньше Карина не тыкала этой женщине, не пыталась ответить грубостью на грубость. – Такая же вонючая и мерзкая? Да, именно такая ему и нужна. Иди и подглядывай дальше!

Карина резко оттолкнула от себя оторопевшую и слегка протрезвевшую от потрясения бабу и выбежала из квартиры.

Жан в первое время пытался её вернуть, звонил, просил о встрече. Потом звонки прекратились. А вскоре ей и вовсе стало не до сердечных переживаний. В их с отцом жизни к тому времени уже появилась Азалия.

А курить, кстати, Карина бросила сразу после того, как ушла от Жана. Легко, будто и не начинала. Избавилась от двух вредных привычек разом.

Глава 6

Посиделки на кафедре прошли, как и ожидалось. Ей традиционно наговорили массу добрых слов, вручили букет роз в хрустящей упаковке и подарок – сертификат магазина парфюмерии и косметики. Потом пили вино и чай, ели умело приготовленные Ирой бутербродики, угощались всевозможными сладостями, до которых особенно охоча была пожилая часть коллектива, и разошлись, довольные друг другом.

Она и Семён Сергеевич уходили последними. Ира помогла убрать со стола и унеслась на свидание: у неё разгорался роман с Ильёй, высоким тощим очкариком. Они познакомились на какой-то очередной конференции: был аспирантом, учился в университете. Ира говорила: «Пишет диссертацию по творчеству Лермонтова». Карина сомневалась, что в этой вдоль и поперёк перепаханной теме можно сказать новое слово, но Ильё, определённо, виднее. Но подруга утверждала, что он гениальный учёный. Филолог от Бога.

У него были вечно потные ладони, ранняя лысина, очертаниями напоминающая южно-американский материк, и к тому же попахивало изо рта. Но Иру это не пугало. Она очень хотела замуж. Ей было двадцать пять – в принципе, немного. Да и желающие поухаживать всегда находились. Но вот именно – поухаживать! Каждый ли готов жениться?! А Илья, подчёркивала Ира, был «с серьёзными намерениями», так что она вцепилась в филолога мёртвой

хваткой. Сегодня они собирались идти слушать оперу. Ирка терпеть её не могла, но собрала волю в кулак и приготовилась выказывать бурный восторг.

Карина могла бы уйти одновременно с Ирой, но домой не хотелось. Однако и торчать здесь одной тоже не вариант, к тому же у Семёна Сергеевича могли возникнуть вопросы. Так что она вышла вместе с профессором из кабинета и направилась к лестнице. Тут её и застал телефонный звонок.

– Кариша, здравствуй.

– Ой, дядя Альберт! – обрадовалась она. – Как здорово, что вы позвонили!

– И я рад тебя слышать. С днём рождения, детка.

– Спасибо вам, что вспомнили.

– У моей-то всё в блокноте записано, захочешь, не забудешь, – тихо засмеялся папин друг, – но уж про твой день рождения я и сам помню.

– Дядя Альберт, вы не болеете? – обеспокоенно спросила Карина. – Мне голос ваш не нравится.

– Уже лучше, детка. В больнице полежал немножко, но сейчас дома.

– Как в больнице?! Что у вас было? Сердце, да? Почему мне не сказали? Я бы вас навестила, пришла...

– Поэтому и не сказал. Тебе своих забот хватает. У меня Зоинька безвылазно сидела, так что не волнуйся. Кариша, я тебе вот ещё что звоню. Мне поговорить с тобой надо. Может, сможешь приехать к нам? Если не занята, конечно.

– Сейчас буду! – Карина обрадовалась возможности хоть ненадолго отложить возвращение домой.

Асадовы жили не слишком далеко от Айвазовых, в том же районе: перебрались сюда лет шесть назад. Она купила фруктов, халвы (дядя Альберт её обожал, мог с лёгкостью в один присест уговорить полкило) и поехала. Снегопад, к счастью, уже прекратился, улицы расчистили, и Карина добралась быстрее, чем ожидала.

Дядю Алика, как Карина в детстве звала Альберта Асадова, она очень любила. И он, так и не сумев обзавестись детьми, платил ей той же монетой. Обязательно привозил из командировок игрушки и сладости, водил в кукольный театр и цирк (отец терпеть не мог ни того, ни другого), рисовал для неё забавные картинки со зверями и птицами.

Наиль и Альберт были очень разными. Отец – человек настроения. Взрывной, прямодушный, категоричный, зачастую несдержанный на язык, громкоголосый. Не признавал полутонов и полумер, не умел подстраиваться, подавлять эмоции и скрывать свои чувства. Альберт на памяти Карины ни разу ни на кого не повысил голоса, юмор у него был мягкий, отношение к людям ровное. Выдержанный, тактичный, склонный критиковать скорее себя, нежели других, он умело сглаживал углы и находил компромиссы.

Сегодня дверь ей открыл он сам. Жены дома не было: гостила у сестры. Взглянув на друга отца, Карина с трудом удержалась, чтобы не вскрикнуть. Он и на похоронах выглядел плоховато, но теперь...

Невысокий, полненький, крепко сбитый, дядя Альберт всегда напоминал Карине Карлсона из мультика. Сейчас перед ней стояла тень прежнего «мужчины в самом расцвете сил» – совсем седой, измождённый, худой до прозрачности маленький старичок. Кожа сухая и жёлтая, губы посинели, глаза провалились. В довершение всего он опирался на палочку.

Как ни старалась скрыть потрясение, взгляд её, видимо, выдал, потому что он заметил с мягкой улыбкой:

– Да, Кариша, выгляжу я неважнецки. Сам-то к себе уже привык, а окружающие пугаются.

– Что вы, дядя Альберт! – промямлила Карина. – С чего вы взяли? Я и не думала...

Но он только махнул рукой.

– Проходи, проходи, детка! Давай на кухне посидим – мы, советские люди, привыкли всё за столом обсуждать.

Она сняла сапоги и пошла за ним. Дядя Альберт сел на маленький угловой диванчик, предоставив ей возможность похозяйничать. Она много раз бывала в этом доме, знала, где что лежит, и быстро выставила на стол чашки, налила им с дядей Альбертом чаю, достала из холодильника молоко. Вымыла принесённые фрукты, выложила в вазочку халву.

Дядя Альберт равнодушно глянул на некогда любимое лакомство, но, перехватив озабоченный взгляд Карины, тут же попытался изобразить удовольствие:

– Вот спасибо, детка! Знаешь, чем побаловать!

Сказал – и обоим стало не по себе. Карина не сумела сделать вид, что верит этому фальшивому оживлению, дядя Альберт смутился вымученности своего тона.

– Вы мне так и не сказали, что случилось? Почему попали в больницу?

Он помолчал, пожевал губами, потом вздохнул, словно решившись на что-то, и ответил:

– Небольшой сердечный приступ. Но ничего, обошлось. А вообще, у меня, Кариночка, рак желудка. Но ты не пугайся, – быстро проговорил он, заметив ужас в её глазах, – операбельный. Диагноз поставили в конце января. Надежда есть, операцию скоро будут делать. Могли бы и раньше, просто смерть твоего отца... Сердце стало прихватывать, врачи боялись. Ведь уверен был, что Наиль меня будет хоронить. Я и старше его. А видишь, как вышло.

– Дядя Альберт, прогнозы...

– Нормальные прогнозы, Каринша. Это правда, я тебя не успокаиваю. Стадия не самая страшная. Завтра ложусь на операцию. Поэтому и позвал тебя сегодня. Придётся, конечно, по больницам помотаться, но это ничего. Я выносливый. Зоинька у меня – молодцом! Говорит, не отпускаю тебя – и точка! Не вздумай сдаваться! Ну, хватит об этом. Хватит.

Дядя Альберт отломил чайной ложкой кусочек халвы, подержал на весу, положил на место. Заметно нервничал и никак не мог сказать то, что собирался.

– Ты, конечно, не знаешь... Папа с октября не работал в «Мастерской».

– Не работал? – растерялась Карина. – Почему?

– Решил отойти от дел и продал мне свою долю.

– Как же так? Он не мог! «Мастерская» – это... Это как ребёнок для него! Его жизнь!

– Мне ли не знать. Наиль всегда говорил: отнять у меня «Мастерскую» – как руку отрубить. Лет восемь назад нам предлагали выкупить её. Хорошие деньги сулили, но мы и думать не думали! А в конце лета он приходит и говорит: всё, Алька, устал. Не хочу больше.

Карина вскочила, с грохотом отодвинув стул.

– Вот хоть убейте – не верю! Он бы в жизни до этого не додумался!

– Я тоже так считаю, – спокойно согласился дядя Альберт. – Он и не додумался.

Они молча смотрели друг на друга. Карина медленно села обратно.

– Близко к городу продавался большой участок под застройку. Место отличное, земля с годами будет только дорожать. Хочешь – в аренду сдавай, хочешь – перепродай с накруткой. Скорее всего, со временем окажется в черте города, и станет ещё дороже. Азалия уговорила Наиля купить участок. Но нужной суммы у него не было. И она потихоньку-полегоньку подвела его к мысли продать бизнес.

– Боже мой, да зачем?! Жил он без этой земли и... Что ему, денег не хватало?

– Ты погоди, детка. Это ещё не все.

– Куда уж больше! – Она отхлебнула из чашки и поморщилась: терпеть не могла остывший чай.

– К сожалению, есть куда. Отговаривал я его, убеждал – он ни в какую. Упёрся и всё. Ну, я и отступился. Даже обиделся, а потом подумал: чего уж тут, не в себе человек. Пусть делает, как хочет. Нашёл средства, собрал, что мог. Выплатил даже больше, чем надо было. Наиль, вижу, мучается: знает, как мне тяжело нужную сумму набрать. Понимает, что дело под удар

ставит, а отступить не может. Продал он долю, все накопления снял – всё равно не хватает больше миллиона.

В общем, дачу вашу он тоже...

– Что?! Он эту дачу... Сам проект придумал, строил, деревья сажал... А баня...

– Карина, успокойся, – почти строго произнёс дядя Альберт. – Нужна ясная голова. Не кипятись. Совершенно ясно, что Азалия преследовала свои цели. Землю они купили, когда уже были женаты, да и покупка оформлена на двоих! Теперь, когда Наилия не стало, половина так и так у Азалии, а вторая половина делится между тобой и ею. То есть теперь у неё – три четвертых, у тебя – только четверть. Ты понимаешь? Я не говорю, что она имеет отношение к его смерти – упаси Бог! Но ты же видишь, как всё для неё удачно сложилось!

Она опустила голову и промолчала. Да уж, удачно... А если учесть, что никакой тоски по мужу Азалия не испытывает, то всё и вовсе выглядит подозрительно. С другой стороны, было вскрытие. Папина смерть вызвана естественными причинами.

– Накануне смерти отец приезжал сюда, ко мне. Сидел на этой самой кухне. Тогда я и узнал, что землю они с женой пополам оформили. Слышала бы, какую я ему головомойку устроил! Для чего, говорю, всю жизнь горбатился? Чтобы невесть кому досталось? Думал, ударит меня. Он ведь про Азалию слова худого никому не давал сказать. А он посмотрел на меня и говорит тихо-тихо: «Скажи честно, что ты о ней думаешь?» Я как думал, так и сказал: гнилой человек, лживый. Улыбается, а глаза холодные. Взгляд неподвижный, змеинный.

– А папа? – севшим голосом спросила Карина.

– Что он... Смотрит на меня, глаза несчастные, молчит. Потом говорит: «Завтра поеду и оформлю дарственную на Каринку. Свою долю ей передам. Чтобы у них всё пополам было, если что». А ночью она звонит. – Голос его дрогнул, подбородок затрясся.

Карина стиснула зубы, сдерживая слёзы.

– Детка, послушай меня. Тебе нужно бороться с Азалией за имущество: и за квартиру, и за машину отцовскую. Тем более что это приобретено до брака с нею! Что касается земли, можно доказать, что его вклад при покупке был значительнее. У отца где-то лежат документы о продаже дачи, выписки из банка о закрытии вкладов, поищи потихоньку. У меня есть бумаги о продаже доли в бизнесе. Ты сможешь через суд доказать! Мы подключим юристов...

Карина никогда не видела его таким взбудораженным.

– Дядя Альберт, ну, что вы! Не волнуйтесь...

– Да не обо мне сейчас... Ты не понимаешь! Надо чётко продумать и разработать план действий. Я помогу!

Он ещё долго и горячо говорил, растолковывал, что и как ей следует сделать, убеждал пойти в суд. Она соглашалась, чтобы не расстраивать его, однако точно знала: судиться не станет. Слушала рассуждения дяди Альберта, но почти не вникала в суть. Азалия лишила папу всего: любимого дела, отрады-дачи и, в конце концов, отношений с единственной дочерью. Какой же властью над человеком надо обладать, чтобы заставить настолько потерять голову...

Впрочем, кому бы удивляться, но только не ей. Достаточно вспомнить Жану.

Одно радовало: в мае Азалия уберётся восвояси. Карина вспомнила их разговор с тётёй Нелли перед её отъездом в Екатеринбург.

– Кариночка, я хочу тебя кое о чём попросить. Отнесись, пожалуйста, с пониманием. – Они вдвоём стояли возле подъезда: тётя улучила момент для разговора наедине.

– Конечно, а что такое?

– Знаю, ты не очень хорошо относишься к Азалии, но подумай: речь идёт о памяти отца.

– Что-то я никак не...

– Ты должна уважать его выбор! – тётя Нелли чуть возвысила голос, не давая ей договорить. – Он любил Азалию, она была его законной женой.

– Я понимаю. – Карина почувствовала, что начинает заводиться.

– Азалия – прекрасный человек, я просто не понимаю твоей неприязни. Надеюсь, с возрастом ты осознаешь, что думать надо не только о себе! – голос её крепчал, она говорила всё быстрее, волнуясь и, судя по всему, с трудом сдерживая негодование. – Она жила в этом доме с твоим отцом, сделала здесь прекрасный ремонт, к тому же её собственная квартира сдана до мая. В конце концов, она организовала папины похороны! И после всего этого ты что, предлагаешь ей жить на улице? Выгоняешь? Она только что похоронила любимого мужа! Это бесчеловечно! Неужели отцу бы понравилось...

– Стоп, стоп! – Карина помотала головой. – Я выгоняю Азалию на улицу? Когда это было? Мы с ней на эту тему и не разговаривали!

– Не будем спорить! Мы взрослые люди, к чему эти смешные оправдания. – Было очевидно: тётя Нелли не поверила.

– Подождите, это она вам сказала?

– Не нужно сейчас выяснять отношения. Ты девочка эмоциональная, но... Нужно вести себя достойно!

– Тётя Нелли! Я вам ещё раз повторяю, у нас и речи не заходило о том, где ей жить! – Это была чистая правда, но тётя скептически поджала губы. Карину затрясло от бессильной ярости. – Да что она себе позволяет, эта...

– Карина! Хватит! Люди кругом! – прошипела тётя Нелли. – Мне стыдно за тебя. Как ты себя ведёшь – уму непостижимо! Таскаешься за Азалией по пятам по дому! Выслеживаешь! Вынюхиваешь! Неужели ты действительно думаешь, что она способна взять чужое? У неё и так всё есть! Азалия даже сказала мне, что не собирается претендовать на долю в вашей квартире! Хотя по закону имеет полное право! Твоё поведение унижает и её, и, в первую очередь, тебя. Как ты сама не видишь!

Девушка потеряла дар речи. Что можно было возразить на такое? В этот момент дверь подъезда открылась и в проёме возникла Азалия. Она окинула родственниц цепким взглядом, мгновенно поняла, что к чему, и тут же сориентировалась:

– Девочки, что случилось? Вы ссоритесь?

Карина хотела было заставить Азалию при ней повторить враньё, которым она напичкала тётю Нелли. Но не тут-то было. Азалия не дала ей такой возможности. Тут же залилась слезами и, изобразив сильнейшее волнение, залопотала:

– Пожалуйста! Милые мои! Наиль ведь всё видит! Это против Бога, разве можно? Мы же родные! Если я виновата, простите меня! Кариночка, не нужно, девочка моя! Мы будем какое-то время жить вместе, так уж вышло. Я хочу, чтобы ты узнала меня получше. Ты поймёшь, я желаю тебе только добра! Я не такой плохой человек, как ты думаешь!

Тётя Нелли бросила уничтожающий взгляд на племянницу и обняла Азалию за плечи.

– Аличка, не плачь, дорогая моя! Никто не думает о тебе плохо. Карина ничего такого не имела в виду, – с напором произнесла она.

Карина внезапно успокоилась. Как тогда, у Жана. Думайте, что хотите, делайте, что хотите, только меня не трогайте. Тётю не переубедить, она останется при своём мнении. Ну и шут с ними.

Тему закрыли. Слёзы на глазах у Азалии ментально высохли. Как обычно. Это и вправду была удивительная женщина. Только смысл в это определение тётя Нелли и Карина вкладывали разный.

Глава 7

До встречи с Азалией у отца, конечно, были женщины. Не могло не быть у здорового молодого мужчины. А с годами, по мере роста его благосостояния, количество желающих прибрать к рукам интересного и состоятельного вдовца только увеличивалось.

Пару лет назад Карина спросила отца, не было ли у него желания повторно жениться. У неё был в самом разгаре собственный роман, и она, пожалуй, была бы только рада, найди отец себе постоянную женщину.

Но тот, не задумываясь, ответил, что такого намерения не возникало, потому что никто за все эти годы не затронул его души, как бы это высокопарно ни звучало.

С Азалией он познакомился в марте прошлого года. Она на своей «Приоре» задела на перекрёстке его автомобиль. Карина сильно сомневалась, что это вышло случайно. В аварии никто не пострадал, результатом столкновения стала царапина на боку «Приоры» и внезапно начавшийся стремительный роман. Азалия тоже была вдовой: муж умер восемь лет назад. Правда, детей не было.

Уже в июне она переехала в их с отцом квартиру. А в начале августа они поженились. На свадьбу отец подарил жене новую машину. Судьбоносная «Приора» была продана и забыта.

Поначалу Карина искренне радовалась за папу. Когда он взахлёб, как влюблённый школьник, рассказывал дочери, какую замечательную женщину послала ему судьба, она удивлялась и стремилась с ней познакомиться. По словам отца выходило, что Азалия простая, умная без занудства, бесконечно женственная и жизнерадостная. Он был убеждён, что две самые дорогие ему женщины легко найдут общий язык.

Первая же встреча показала, что он ошибается. Карина ощутила к Азалии инстинктивное отвращение, глубинное, идущее откуда-то из печёнок. Примерно такое чувство возникает, если смотреть на таракана, крысу или гадюку. Сработала животная интуиция, что-то на уровне запахов и повадок. Это внутреннее ощущение говорило: перед тобой враг!

Азалия почувствовала примерно то же самое, и никогда не делала попыток понравиться дочери любимого мужчины. Она заняла выигрышную позицию: всячески давая понять, что Карина не принимает её, умалчивала о собственной ответной, точно такой же реакции. Исподволь, шаг за шагом, вкладывала Наилу в голову мысль о том, что дочь не так хороша, как он привык о ней думать.

И вот папа, который всегда гордился жизненной позицией, поэтической одарённостью, профессиональными успехами Карины, стал находить в ней массу недостатков. И вроде бы всё, на что у него теперь внезапно открылись глаза, оставалось неизменным многие годы, но точка зрения (ох, уж эта пресловутая точка!) поменялась кардинальным образом.

Выбранная ею профессия была непрактичной и никому не нужной. Папа отлично знал, что Карина ненавидела черчение и рисование, питала непреодолимую неприязнь к математике, однако это не помешало ему твердить, что лучше ей было выучиться на бухгалтера. Или пойти по стопам отца.

Он вдруг решил, что стихи пишут зелёные подростки, а для взрослой девушки, если она не Марина Цветаева, Анна Ахматова или хотя бы Зинаида Гиппиус, это, по меньшей мере, смешно.

Почему у неё так мало знакомых и вовсе нет подруг? Стоит поискать причину в себе! И так далее, и тому подобное. В каждой претензии звучали интонации Азалии.

Апофеозом стал их последний перед уходом Карины из дому разговор, когда отец бросил ей в лицо фразу: «До чего же ты похожа на свою мать!» И в голосе его звучали отнюдь не тоска и ностальгия, как в прежние времена.

Пожалуй, самым ужасным в происходящем было то, что в отношении Азалии к отцу не было и намёка на любовь, только наспех, кое-как замаскированная акульей улыбкой хищная хватка собственницы. Это было так заметно со стороны, что Карина удивлялась: как папа сам не видит?!

Карина долгое время не говорила ему ни слова, пыталась относиться к Азалии ровно. Но не могла не поражаться несхожести отца и этой женщины.

Противоположности, разумеется, притягиваются. «Они сошлись: вода и камень, жара и холод, лёд и пламень». Но, как сказано в «Унесённых ветром», муж и жена должны быть сделаны из одного теста, дабы с годами не возненавидеть друг друга. Здесь же...

Отец был энциклопедически образованным, разносторонним и увлечённым человеком. Много читал, разбирался в массе совершенно неожиданных вещей. Сфера его интересов простиралась от мировой истории, в которой он обладал исключительными познаниями, до садоводства и высоких технологий. Карина не припомнила бы ни одного своего вопроса, на который отец ответил: не знаю. Если и в самом деле не знал, говорил: «Я выясню». И выяснял.

Однажды в четвёртом классе ей поставили первую в жизни двойку: она не сумела аккуратно раскрасить контурную карту. Учительница обещала не ставить пару в журнал, но велела завтра же принести реферат. Тему выдумала, похоже, на ходу – «Мосты Санкт-Петербурга». Зарёванная Карина вместе с папой, который вернулся с работы в девятом часу, за один вечер написала доклад, который, открыв рты, слушал не только весь класс, но и сама учительница. Учите, никакого Интернета в то время не было и в помине.

Азалия же была дремуче необразованной. То есть диплом о высшем образовании, конечно, имелся, и в юриспруденции она, очевидно, разбиралась. Но в остальном... Из литературы ничего, кроме модных журналов, не признавала. Симфоническая музыка, до которой отец был большой охотник, изобразительное искусство или театр были за пределами её понимания. Она не разбиралась ни в кино, ни в компьютерах, ни даже в кулинарии или домоводстве, и бравировала этим.

«О чём они могут говорить?» – гадала Карина. Но дело было даже не в разговорах. Отец стал меняться. Во всём, не только в отношении к дочери. Люди, которые мало его знали, находили, что эти перемены к лучшему. Они считали, что у Наиля проснулся вкус к жизни. Как будто этот вкус можно ощутить исключительно в ресторанах, барах, боулингах и бутиках.

Азалия считала, что её муж должен выглядеть соответственно статусу. В результате отец сделал креативную стрижку, сменил одеколон, начал модно и дорого одеваться. Стал носить на мизинце золотой перстень с крупным камнем, снял старенькие, подаренные ещё мамой, часы и украсил запястье будильником престижной марки. Накупил обуви и рубашек, приобрёл узкие белые джинсы.

В этом сладко благоухающем молодящемся мужчине, увешанном дорогими аксессуарами, Карина не узнавала своего отца, который всю жизнь был равнодушен к побрякушкам и считал, что красоваться – дело не мужское. Он даже отбелил зубы, и стал поговаривать о пластике век, что повергало Карину в шок.

Менялся он и в мелочах, незаметных постороннему глазу. Стал пить кофе вместо чая, полюбил коньяк, хотя раньше предпочитал белые сухие вина. Убрал из спальни телевизор, а ведь раньше ему нравилось перед сном посмотреть интересную передачу. Почти перестал читать. Снял со стен и полочек фотографии дочери и первой жены.

И много, много было таких крохотных деталей, которые постепенно словно выдавливали прежнего Наиля Айвазова из его собственной шкуры.

Карина видела, но не умела внятно сформулировать своё отношение к происходящему. Что могла она сказать отцу? Зачем ты стал ходить в магазины и иначе одеваться? Почему не пьёшь чай? Тебя портит эта крокодиловая улыбка?..

Он постоянно находился в каком-то нервическом состоянии. Глаза возбуждённо блестя, движения стали суетливыми, ломаными и вместе с тем неуверенными, словно незавершёнными. Он хохотал, сверкая зубами, постоянно бросал взгляды в сторону зеркала, к месту и не к месту говорил о своих постельных успехах. Карина стыдилась и не знала, как реагировать на эти откровения.

Ссора, которая отдалила их друг от друга почти на четыре месяца, произошла в начале октября. Спровоцировала её сама Карина. Вышло всё случайно, но в результате она высказала отцу то, что мучило её на протяжении последнего времени.

Отец одевался, намереваясь заехать за Азалией на работу: её новенькая машина по какой-то причине была в сервисе. Сам он в тот день не был в «Мастерской» из-за высоченной температуры: сильно простудился. Карину подмывало сказать, что Азалия вполне могла бы добраться на общественном транспорте или на такси, но промолчала, потому что знала: начини она говорить, остановиться будет сложно.

– Ты как на парад, – заметила она, проходя мимо отца в прихожей, когда тот, чертыхаясь, повязывал галстук. Это само по себе было странно, потому что без особых поводов костюмов и галстуков отец не носил.

– Мы с Азалией идём к её подруге, – ответил он, – к Розе. Помнишь её?

– Помню. А ты не хочешь отлежаться? – спросила Карина, в который раз поражаясь переменам в папином характере: он ненавидел ходить по гостям, а уж вытащить его на вечеринку, когда он так болен, было просто нереально.

– Мне вроде лучше.

Куда уж лучше, подумала она, разглядывая бледное папино лицо и покрытый испариной лоб.

– Вот зараза! – Галстук не желал завязываться, и отец раздражённо отбросил его прочь. – Шут с ним. Так пойду.

Он чуть расстегнул ворот рубашки и критично осмотрел своё отражение. Карина подошла и встала рядом, тоже глядя на папу в зеркале.

– Что это у тебя? – удивилась она, разглядев у него на груди, чуть ниже впадинки под шеей, шесть красных пятнышек. Они расположились правильным кругом, и напоминали маленькие красные холмики.

– Сам не знаю. Аллергия, наверное. Не болит, не чешется.

– На метку похоже. Или Азалия клеймо поставила.

Зачем она это сказала? Сорвалось с языка. Вроде и шутка, а вроде и подколка. Отец мог бы не придать значения этой фразе. Однако поступил иначе. Стремительно развернулся к дочери и проговорил:

– Знаешь что, доченька? Мне это, в конце концов, надоело! Азалия постоянно замечает твои подковырки, ревность. Я давно уже понял, что она тебе не нравится! Но это моя жена! Будь любезна считаться с ней!

Подробности того скандала Карина вспоминать не любила. Они наговорили друг другу кучу гадостей. Он обвинял дочь в эгоизме и неблагодарности. Она, давась словами, пыталась сказать, что он превращается в заводную куклу, меняясь в угоду женщине, которая его даже не уважает, не говоря уже о любви. Расплакалась, отец кричал...

Ситуация была зеркальным отражением их разговора о Жане в прошлом году.

Много раз, собираясь поговорить с папой об Азалии, Карина представляла, что и как скажет. Однако вместо аргументированной беседы вышло Бог знает что.

В итоге отец сказал, что вместе им сложно, она взрослый человек, и пора бы ей пожить отдельно, заняться собой, а не вмешиваться в его отношения с любимой женщиной. Хлопнул дверью и вылетел из дома. Карина в тот же вечер нашла себе по объявлению в Интернете первую попавшуюся «однушку», собрала вещи и ушла.

С тех пор их общение свелось к редким разговорам по телефону. Сухие и натянутые беседы били по сердцу, и ей проще было звонить дяде Альберту, узнавать, как дела у отца, чем говорить с ним лично. Её настораживало и пугало, что отец стал очень болезненным. Раньше почти никогда не болел, моржевал, не признавал лекарств. Теперь по полмесяца проводил дома, на больничном. «Ничего особенного, – успокаивал Карину дядя Альберт. – Обычные

простуды. Давление немного скачет. Так ведь не мальчик уже, ничего удивительного». Асадов, естественно, был в курсе конфликта своего друга с дочерью, но старался общаться и с ним, и с ней. Безуспешно пытался примирить воинствующие стороны.

Так продолжалось до середины января. Примерно за месяц до смерти папа впервые пришёл к Карине, в её съёмную квартиру. Тему его женитьбы старательно обходили стороной, говорили обо всём, кроме Азалии. Это было так похоже на их прежние беседы! Разве что оба осторожничали, словно постепенно сужали круги, приближаясь друг к другу. Отец выглядел плохо: снова неважно себя чувствовал, но бодрился. Одно порадовало – ни вычурных часов, ни перстня не было, и сам он куда больше похож был на себя прежнего, чем летом и осенью.

На прощание папа обнял Карину, прижал к себе, поцеловал в висок. У неё защипало в глазах, перехватило дыхание. Захотелось плакать, а ещё – извиниться, вернуться к тому разговору. Объяснить, что она не хотела ничего плохого. Сказать, как сильно его любит, как ей плохо и одиноко без него...

Что-то помешало. Нелепая гордость, смущение, эхо былой обиды, неумение сделать первый шаг. Ей показалось, что папа тоже хотел заговорить, но так и не смог. Отпустил её от себя, наспех попрощался и ушёл.

Больше такие моменты не повторялись. Они так и не решились на откровенный разговор, хотя продолжали встречаться. Медленно, но верно былая теплота возвращалась в их отношения. Карина была уверена, что окончательный разговор, который расставит все точки на і, у них впереди.

Но он так и не состоялся. Папы не стало. Она опоздала и знала, что никогда себе этого не простит.

Глава 8

Весь следующий день после разговора с дядей Альбертом Карина никак не могла прийти в себя. Слишком много информации, которую она пока не успела принять. К тому же ругала себя, что не удержалась от разговора с Азалией. Беседа вышла из ряда вон. Она ворвалась к маме и с порога вывалила всё, что думает о её корыстолюбии, жестокости и подлости.

Та сидела в их с отцом спальне и полировала ногти. В ответ на негодующие вопли не растерялась, не занервничала и даже не переменяла вальяжной позы. Лишь улыбнулась своей тягучей улыбкой, которая не задевала глаз, и невозмутимо поинтересовалась:

– Убедилась, что со мной лучше не связываться, а то без штанов останешься? – Азалия хихикнула и продолжила: – Кстати, о штанах. Что-то, а уж как их с мужика стащить и что с ним потом делать, я хорошо знаю. Ты у папаши не спрашивала? Да он тебе и сам, небось, рассказывал. Могу преподать пару уроков. По-родственному. Мужиков-то не стишками удерживать надо. Кстати, они у тебя так себе.

Карина замерла, раскрыв рот. Ожидала чего угодно: слёз, возмущения, обвинений и даже угроз, но уж никак не этих гадких намёков ниже пояса.

– Да ты... да как тебе... – больше она ничего не могла выговорить.

Зато Азалия изъяснялась вполне ясно и определённо:

– Иди к себе. Выпись. И больше не смей на меня орать, поняла?

Она почти незаметным, кошачьим движением, неожиданным при её комплекции, поднялась с кровати и вдруг оказалась рядом с Кариной. Говорила, а сама пристально смотрела в глаза немигающим взором. Улыбка бесследно исчезла, медоточивая нега в голосе – тоже. «Змеиный взгляд», – вспомнились слова дяди Альберта. Голова закружилась, во рту стало сухо и горько.

– А этот старый идиот пожалеет, что разболтался! – произнесла Азалия напоследок и отвернулась.

Карина моргнула и потрясла головой.

Той ночью она спала ещё хуже обычного. Со сном с детства были проблемы: она с трудом засыпала и постоянно просыпалась. После папиной смерти часто пила успокоительное: знала, что иначе обречена на бессонницу. Дианины таблетки давно кончились, она купила новую упаковку. Но на этот раз лекарство не помогло. Карина забылась только под утро и, похоже, ей привиделся кошмар, потому что проснулась мокрая и в слезах.

На работу пришла опухшая, с гудящей головой. С трудом сосредотачивалась, случайно удалила нужный файл в компьютере и потом долго восстанавливала. С грохотом уронила и разбила свою чашку, собираясь попить воды.

Коллеги незаметно обменивались озадаченными взглядами. Ирка недоумённо косилась и, наконец, спросила:

– Мать, ты чего? Случилось что?

Карина заколебалась. Может, рассказать? А с другой стороны – зачем? Что это изменит? Природная скрытность взяла верх, и она отрицательно помотала головой.

– Пройдёт. Спала плохо.

Ира пожалала плечами и отошла. Не хочешь, не говори. Она привыкла, что из подруги надо всё клещами вытаскивать. Зато и Иринины секреты не разбалтывает.

После обеда Карина пошла в деканат, поставить печать на одной бумажке. Это можно было сделать и позже, но ей хотелось выйти из кабинета, пройтись.

Обязанности секретарши выполняла девятнадцатилетняя Рита, взбалмошная девушка с красными прядями в коротких, торчащих дыбом чёрных волосах. Она постоянно вставляла в разговор звучные иностранные выражения, вкладывая в них ведомый только ей одной смысл, и потому её речь звучала довольно причудливо. Например, она говорила про свою знакомую: «Припёрлась, вся из себя расфуфыренная, прямо персона нон грата!» Или: «И зачем мне, простите, сдался этот долбаный алягер ком алягер?»

В деканате, как обычно, было людно: толкались, ожидая своей очереди, студенты и преподаватели, стрекотала по телефону Ритуля. Входная дверь то и дело открывалась, и гул голосов из коридора на мгновение становился слышимее.

Карина подошла к столу секретарши. Та уже положила трубку, и теперь сосредоточенно записывала что-то, низко склонившись к столу, как все близорукие люди, отказывающиеся носить очки.

– Привет! Рит, шлёпнешь печать, Семён Сергеевич...

Секретарша подняла голову и глянула на посетительницу. Та недоговорила, поперхнувшись последней фразой. Внезапно звуки вокруг словно бы стихли. В кабинете стало душно, на грудь будто положили бетонную плиту. Она задышала часто и поверхностно, по спине между лопаток побежала струйка пота. Карина смотрела в лицо секретарши, не в силах отвернуться или зажмуриться. «Что это?! Я и вправду это вижу?!» У Риты не было глаз. Точнее, густо накрашенные веки и обильно намазанные синей тушью ресницы были на месте, но вместо зрачков и радужки были два ровных чёрных круга. Две дыры, ведущие вглубь, как непроглядные коридоры. По щекам стекали тонкие струйки крови. Невозможные, как из кошмарного сна или голливудского ужастика глаза немигающе уставились на Карину.

– Ну, куда шлёпнуть? – безглазое существо нетерпеливым нервным жестом протянуло к Карине руку.

Та отшатнулась, закрыла руками лицо и завопила.

– Нет! Убери! Уйди от меня! – она выкрикивала бессвязные фразы и захлёбывалась своими воплями. Кто-то подошёл сзади, пытаясь успокоить, обнять за плечи. Существо, бывшее недавно Ритой, крутило головой, открывало и закрывало рот.

Вернулись звуки, все заговорили разом, загудели, как сердитые пчёлы в улье. Последним, что запомнила Карина, был вопрос декана:

– Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?

Всё потемнело и пропало. «Наконец-то!» – мысль вспыхнула и исчезла вместе со всем остальным.

Очнулась она всё в том же деканате. Лежала на кожаном диванчике, вокруг толпились знакомые и незнакомые люди. Две женщины озабоченно перешёптывались:

– А я и не видела ничего, – огорчённо протянула одна.

– Ты далеко была! – возбуждённо отозвалась другая. – А я тут стояла, возле них, и... Всё нормально было, а эта как завопит! И бац – упала! Припадок, наверное.

– Ир, с ней такое бывает?

– Тише! – строго произнёс мужской голос. – Она в себя пришла.

Ирка протирала Карине лицо прохладным влажным платком. Рядом стояла Рита и махала вафельным полотенцем. Глаза у неё были самые обычные, лицо расстроенное.

Карина убрала Иркину руку с тряпкой и медленно села. Голова не кружилась, дышалось свободно. Всё было как обычно, только неудобно перед людьми. Что на неё нашло? Привиделась чушь, и она такое позорище устроила. Весь институт теперь пальцем показывать станет. Ритка каждому встречному-поперечному будет неделю пересказывать эту сцену со всеми подробностями.

– Извините, я... Воздуха не хватило, голова закружилась.

– Бывает! У меня у самой в духоте иногда такое случается, – неожиданно с пониманием и без словесного мусора заметила Рита. А после громко, чтобы слышал декан, и вполне в своём духе, закончила:

– Если бы кондиционер поставили, не было бы такого! Я давно говорю, но всем же полное па де де на моё мнение!

– Пойдём, Кариша, чаю попьём у себя, – заторопилась Ира.

Она встала, снова извинилась и пошла к дверям. За спиной раздался Иркин шёпот:

– Отца потеряла недавно, не отошла ещё.

Люди сочувственно зарокотали, и Карина подумала, что, может, и не станет посмешищем.

Ира окружила подружку таким плотным кольцом внимания и заботы, что той захотелось упасть в обморок второй раз, чтобы дать себе передышку. Карина не сомневалась, что она пересказала всем историю в деканате и присовокупила свои выводы. Так оно, очевидно, и случилось, потому что к вечеру Семён Сергеевич предложил, сочувственно глядя на неё:

– Может вам, дорогая моя, отпуск взять? Успокоиться, отдохнуть, а?

– Среди учебного года? – растерялась Карина.

– И что такого? Порою обстоятельства складываются таким образом...

– Нет, Семён Сергеевич, спасибо, но не надо. Мне на работе лучше.

– Как знаете. Но если что, имейте в виду: я вас отпущу.

– Спасибо, – повторила она, удивляясь Иркиной расторопности: и когда только успела всем растрезвонить?!

Вечером опять позвонил Жан. Надо же, как странно.

– Привет, Маню... Карина. Как ты там?

– Отлично, спасибо, – отозвалась Карина.

Возникла пауза, которую Жан быстро заполнил.

– Вот и славно! Хочешь, сходим куда-нибудь? По-дружески.

– Сходим? Мы?

– Просто хочу, чтобы ты отдохнула. Развеелась.

– Почему-то всем сегодня хочется, чтобы я отдохнула, – пробормотала Карина.

– Что?

– Ничего.

- Так пойдём?
- Сегодня – точно нет. Надумаю, перезвоню.
- Как знаешь. Звони.
- Спасибо, Жан.
- Пожалуйста, – усмехнулся он и дал отбой.

Карина вздохнула, некоторое время послушала частые гудки и выключила телефон. Общаться ни с кем не хотелось. Она сидела в своей комнате и пыталась читать новый роман Акунина. Обожала этого автора, но сегодня и он не мог отвлечь от тяжких мыслей.

Обмануть себя не получалось, как она ни пыталась. В деканате она видела то, что видела. Духота, бессонница, усталость – это было ни при чём.

Галлюцинациями Карина не страдала, в обмороки раньше не падала. Розыгрыш исключался. Никто не стал бы шутить над ней так жестоко.

Она не сомневалась: на какой-то миг глаза у Риты действительно изменились. Только почему это случилось, и почему никто, включая и саму секретаршу, этого не заметил?

Ответов не находилось. Карина привычным жестом выдавила из блистера таблетку, сунула в рот и запила водой. Выключила верхний свет, улеглась поудобнее и снова взялась за Акунина.

За стеной Азалия громко болтала по телефону, периодически принимаясь хохотать. Усилиями воли она подавила подступающее негодование. Не стоит обращать внимания. До мая не так много времени. А там уж мачеха уберётся – зачем ей жить здесь? Карину она не выносит. Остаётся разъехаться, разделить имущество и забыть друг о друге. В то, что Азалия не будет затевать делёж и просто уступит квартиру падчерице, не верилось. Да и чёрт с ними, с деньгами, пусть подавится. Лишь бы быстрее исчезла с горизонта.

Глава 9

Весна в этом году была не просто ранняя, а прямо-таки скороспелая. Шальная. Уже к восьмому марта солнце жарило без продыху, снег стремительно таял. Уставший от невероятно снежной и холодной зимы город торопился как можно быстрее сбросить постылые ледяные оковы.

Карину это радостное буйство наводило только на одну мысль: весна пришла, жизнь продолжается, а папы нет.

– Классный фильм! Тебе точно понравится! – убеждала Ира. – Что ты, как старуха? Никуда не ходишь, работа – дом! Что у тебя, семеро по лавкам?

Она пыталась уговорить Карину сходить в кино на разрекламированную комедию. Высоколобый филолог Илья новый российский кинематограф презирал, смотреть подобные фильмы считал ниже своего достоинства. Ира не собиралась ставить его в известность, что хочет пойти в кино: меньше знает, крепче любит!

Карине идти не хотелось. Она тоже не любила современные отечественные комедии, разделяя мнение Ильи. В этих фильмах, на её взгляд, было мало смысла и ещё меньше юмора. Но, с другой стороны, что делать дома? Любоваться Азалией?

С того памятного разговора она, и раньше всячески избегающая общения с мачехой, теперь и вовсе стала от неё шарахаться. Та видела жгучую неприязнь девушки и нарочно старалась оказаться ближе. Подкарауливала на кухне, в гостиной и прихожей. Заводила разговоры, которые с большой натяжкой можно было назвать пристойными. Каринино смущение, негодование, с трудом скрываемое бешенство доставляли ей настоящее удовольствие.

В результате Карина почти всё время сидела взаперти в своей комнате, изредка совершая вылазки в туалет, ванную и на кухню.

Ладно, почему бы и не сходить в кино? Фильм, конечно, окажется полнейшей ерундой, зато после можно отправиться в кафе. И появиться дома поздно вечером, чтобы сразу лечь спать.

– Уговорила. Во сколько начало?

– Вот и молодец, – запрыгала от радости Ирка. – И чего только ломалась! Встречаемся у входа в половине седьмого.

После работы Карина заскочила домой. Сменила юбку и жакет на джинсы и кофточку, привела в порядок волосы и критически оглядела себя в зеркале. Не помешало бы немного поправиться. Ключицы торчат, груди совсем нет. Как в народе говорят, минус первый размер, при котором лифчик покупаешь в надежде на лучшее. Зато талия тонкая и ноги стройные. Карина секунду подумала, и наложила на глаза светло-серые тени. Взгляд стал выразительнее и загадочнее. Ещё немного поразмыслила и стёрла с губ помаду, заменила бледно-розовым блеском. Так определённо лучше.

Из-за необычного сочетания – серо-голубые глаза и тёмные волосы – многие думали, что волосы она красит. Может, заделаться блондинкой? Нет, пожалуй, внешность станет слишком банальной. Да и не ощущала она себя в таком образе: блондинкам положено быть воздушными и простодушными. Она схватила сумку и вышла из квартиры.

Народу в кинотеатре было море. Вот что значит грамотная пиар-кампания! Девушкам достались билеты на восемнадцатый ряд. Карине было плевать, а Ира немного расстроилась.

Фильм шёл уже второй час, и за это время Карина дважды скупно улыбнулась. По её мнению, на комедию действие не тянуло. Сюжет был невразумительный, актёры старались, но оживить бездарный скучный сценарий не могли. Хотя, возможно, она была излишне строга: со всех сторон то и дело доносился жизнерадостный гогот.

Ирка тоже была довольна происходящим.

– Правда, здорово? – спросила она подругу.

Та уклончиво промычала в ответ. При большом желании это можно было растолковать как одобрение. Ира удовлетворённо кивнула.

Карина то и дело отвлекалась от происходящего, теряла и без того невнятную сюжетную нить, задумываясь о своём. Когда на экране вдруг возникло лицо, она сначала просто удивилась: вроде это против законов жанра. Такая кошмарная физиономия – и в комедии!

Мужское лицо, показанное крупным планом, было неестественно, до синевы, бледным и странно перекошенным. Серая неопрятная щетина, свалывшиеся волосы, багровые полосы на щеках. Рот провалился, глаза закатились. Лицо было неподвижным и почему-то знакомым. Она никак не могла вспомнить, где раньше видела этого человека, но то, что видела, – точно.

Девушка осторожно огляделась по сторонам. Неужели никого не удивляет непонятно зачем появившееся изображение? Ира всё так же пила лимонад, хихикала и увлечённо смотрела на экран. То, что там творилось, очевидно, её вполне устраивало. И абсолютно не изумляло.

Остальные зрители тоже вели себя, как раньше: создавалось впечатление, что они продолжают смотреть фильм! Невесть откуда взявшееся лицо видела лишь Карина.

Вглядевшись в застывшие черты, она внезапно поняла причину их неподвижности. Человек на экране был мёртв! Следом пришло и другое страшное озарение. Карина действительно знала его. И при этом никогда не видела таким.

Отец! Это был он! Так, наверное, выглядит он сейчас, после месяца, проведённого в холодной могиле.

Крик застрял в горле, дыхание перехватило. Девушка сидела, уставившись прямо перед собой. В голове колотилась одна-единственная мысль: такого не может быть. Это сон. Растерянная, уничтоженная, она не сразу заметила, что в зале творится неладное.

Откуда-то снизу раздался протяжный вопль. Следом – треск, грохот и снова женский крик. Захлёбывающийся, отчаянный. «Террористы!» – осенило Карину. Она вскочила и стала напряжённо вглядываться в полумрак. В районе первых рядов шла непонятная возня. Вскоре ей удалось разглядеть, что происходит. Но поверить в такое было невозможно.

– Господи! – выдохнула она.

Красные бархатные кресла качались, ходили ходуном, ломались и проваливались куда-то под пол, вместе с сидевшими на них зрителями. Ошарашенные, перепуганные люди визжали, шарахались в разные стороны, вскакивали, цеплялись друг за друга, силясь удержаться на поверхности, но проваливались вниз.

– Пожар! Землетрясение! – истерично завопил подросток в клетчатой парке. В руке он судорожно сжимал коробочку с попкорном.

Сидевшие на целых ещё рядах изо всех сил пытались взобраться наверх, хватались за кресла и ступени, соскальзывали. Те, чьи места с краю, выбегали в проход, и, спотыкаясь, бежали наверх, к выходу.

В зале по-прежнему было темно. Электричество, по всей видимости, отключилось, и мрак усиливал хаос и панику. Какая-то женщина, подхватив на руки ребёнка лет пяти, вцепилась в ногу мужчины в кожаной куртке. Тот, обезумев, ничего не соображая от ужаса, карабкался по обломкам кресел, похожий на огромного чёрного паука. Он стряхивал руку женщины, но ему никак не удавалось от неё отцепиться. Тогда он зарычал и принялся пинать несчастную ногой. Один из ударов пришёлся по руке ребёнка. Женщина на миг ослабила хватку и тут же обрушилась в дыру вместе с малышом. Не удалось спастись и мужчине: время было упущено, и его тут же утащило вниз лавиной падающих тел и разломанной мебели.

– Что происходит? – беспомощно повторяла Карина. Понимала, что надо бежать, но не могла пошевелиться. Сидевшая рядом Ирка тоже вскочила и встала с ней рядом, говорила что-то, настойчиво теребя подругу за рукав, но из-за шума и криков она не могла разобрать ни слова.

Куда, куда они все падают?! Ведь там, внизу, должны быть два первых этажа торгового центра! Магазины и магазинчики, кафе, эскалаторы... И люди. Много людей: сегодня вечер пятницы! Почему никто ничего не предпринимает? Где охрана, полиция, спасатели, врачи?

Такое впечатление, что вся нормальная жизнь внезапно исчезла. Нет больше ничего и никого, только этот ужас, вопли, стоны, боль и смерть. В дыре под полом кинозала было темно. Люди проваливались в гулкую пустоту, их голоса постепенно таяли, словно пострадавшие летели в пропасть.

Никто не спешил им на помощь! Или некому было спешить? Яма ширилась, словно немислимое чудовище раззявило щербатый рот. В образовавшуюся прореху провалились уже четыре ряда, а ненасытная пасть проглатывала новые и новые кресла.

Те, кому повезло сидеть высоко, как Карине и Ире, вели себя по-разному. Одни замерли, словно одеревенев, уставившись вниз. Другие, придя в себя и сориентировавшись, подбегали к плотно закрытой двери в зал и колотили по ней, надеясь вырваться. Лишь немногие устремились к гибнущим людям, пытаясь помочь им вылезти из провала.

И за всем этим ирреальным кошмаром наблюдало мёртвое папино лицо. Бросив взгляд на экран, она словно очнулась. Удалось стряхнуть с себя оцепенение, и она завопила, развернувшись всем корпусом к Ирке:

– Бежим! Быстрее! Мы можем успеть!

Она потащила Косогорову наверх, к двери. Та почему-то вырывалась, с силой отбивалась и тоже кричала в ответ. Видимо, у девушки был шок. «Я не могу её бросить! Господи, что же делать?!»

– Ирка, – прокричала Карина, стараясь перекрыть вой и грохот, – я не смогу нести тебя! Ты тяжёлая! Пожалуйста, не стой! Помоги мне! Не бойся, мы выберемся!

Она видела перед собой Иркины перепуганные глаза и хотела сказать что-нибудь успокаивающее и доброе, но в этот момент в кинозале внезапно зажётся свет.

Карина сощурилась и заморгала привыкшими к темноте глазами. Отпустила Иркину руку и хотела сказать: «Видишь, свет дали! Значит, нас сейчас будут спасать!»

Но так и не произнесла ни слова.

Круглые светильники под потолком освещали просторный зал, украшенные лепниной стены, убегающие наверх ряды бархатных красных кресел. Кинозал был полон: зрители сидели на своих местах, кто-то пил колу, кто-то грыз попкорн. На экране натужно шутили актёры. Папино лицо исчезло.

Ничего не изменилось, и лишь Карина столбом торчала посреди зала. Рядом стояла верная Ирка, красная от смущения.

Женщина с ребёнком, несколько минут назад с криком провалившаяся в бездну на глазах у Карины, теперь смотрела на неё, округлив от удивления накрашенный рот. Мужчина, который ногой спихнул её в пропасть, сидел тут же, рядом, по-хозяйски обнимая мальчика за плечи. Малыш повертел круглой головой и вдруг громко спросил:

– Мам, а почему та тётя кричала? Она что, сумасшедшая?

– Карин, пойдём, а? – умоляюще произнесла Ира.

Через десять минут они вышли на улицу, кое-как отбившись от администратора, которая утверждала, что нужно оплатить штраф. Нечего буянить в общественном месте!

Слегка отошедшая от потрясения Ира втолковывала ей, что они приличные девушки, совершенно трезвые. «Хотите, алкотест пройдем?» Просто у одной из них случился припадок. Такое с ней бывает.

Карина молчала. Сил на объяснения и оправдания не было. Она еле держалась на ногах. Адски болела голова.

Женщина сменила гнев на милость. Видимо Каринин потерянный вид и бледно-зелёный цвет лица убедили её. Суровое администраторское сердце смягчилось, и она пригласила подруг пройти в свой кабинет, попить воды.

Ирина решительно отказалась за них двоих и поволокла подругу на выход. Обоим хотелось оказаться как можно дальше от торгового центра.

– Ты, наверное, больше со мной никуда не пойдёшь, – выдавила Карина.

– Да ладно, брось! – не слишком убедительно возразила Ира, которая смотрела с плохо скрываемым страхом.

Поколебавшись, Карина спросила:

– Я что, кричала?

– Ещё как! Вопила! Вскочила, звала бежать. Спасаться, что ли...

– Ясно, – коротко бросила она и побрела к машине. – Тебя подбросить?

Косогорова не двигалась с места и молчала, словно хотела сказать что-то.

– Боишься со мной ехать? Извини, не подумала!

– Нет, конечно! – округлив глаза, затрясла головой Ира. – Чего бояться? Подбрось, если не сложно. С тобой раньше случалось... подобное?

Ей было любопытно, что привиделось Карине в зале, и при этом жалко её.

– Никогда, – Карина забралась в салон. Здесь она почувствовала себя увереннее. Ирка залезла на пассажирское сиденье. – В первый раз. Вернее, во второй... И так ясно, правдоподобно... Не понимаю. Ты нашим не говори, ладно?

– За кого меня принимаешь! Ты не сердись, но... К врачу не хочешь сходить?

– Тоже думаешь, я сумасшедшая?

– Ничего я не думаю! Но у тебя же галлюцинации! Это не может быть просто так!

– Может, устала? Сплю плохо, – Карина и сама не верила в этот детский лепет, но нужно было что-то сказать. – Ладно, может, схожу.

Автомобиль влился в общий поток, и торговый центр скрылся за поворотом.

– Вот и умница, – успокоилась Ирина.

Ей хотелось сменить скользкую тему. Они не были настолько близки, чтобы воспринимать боль подруги, как свою. Сочувствие сочувствием, но вешать чужие проблемы на себя не слишком хотелось.

Доставив Иру домой, Карина зашла в аптеку и купила успокоительное по сильнее и подороже. Если дело в нервах и бессоннице, с ними следовало бороться жёстче.

Глава 10

Сороковой день пришёлся на воскресенье. Собирать гостей решили в кафе. Тот факт, что поминки устраивали не дома, объяснялся просто: ни Карина, ни Азалия толком не умели готовить.

Народу собралось не так уж много – человек двадцать, включая вдову и дочь. Единственным, кого Карине хотелось увидеть, был дядя Альберт. Они с Зоей Васильевной пришли одними из первых, и он напрямик направился к Карине. Стоявшей возле обильно накрытых столов Азалии, которая вполголоса беседовала с худенькой светловолосой женщиной, лишь сухо кивнул.

Выглядел он намного лучше. Операция прошла успешно, и врачи уверенно давали благоприятные прогнозы. Конечно, лишился части желудка, пил горы лекарств, вынужден был сидеть на жесточайшей диете, подвергался не слишком приятным процедурам, но старуху с косой удалось отогнать.

– Вот и сорок дней прошло. А вроде недавно... – Щека его задёргалась, и он отвернулся. – Извини, детка. Совсем стал старый, слезливый дед. Лучше скажи...

– Кариночка, девочка, – позвала Азалия из глубины кафе, – можно отвлечь тебя на секунду?

Девушка скривилась, но не пойти было невозможно.

– После поговорим, дядя Альберт, ладно?

Но пообщаться так и не удалось. Начали собираться приглашённые, их нужно было встречать и рассаживать. Потом наступило время молитвы, а после мулла решил на пространную проповедь.

Утомлённые донельзя, гости жадно набросились на еду, благо кухня была отменная. Насытившись, оживились и повеселели. Разговоры за столом стали громче и раскованнее: подзабыв, по какому поводу собрались, люди обсуждали политику, погоду и цены.

Почти все собравшиеся были со стороны Азалии. Покойного не знали, печали и тоски по нему не испытывали. Создавалось впечатление, что пришли поесть и провести время.

Карине стало противно, захотелось уйти. Асадов, судя по выражению лица, думал приблизительно о том же, сидел задумчивый, мрачный, и вскоре засобирался домой.

Зоя Васильевна встревоженно поглядывала на мужа.

– Мы пойдём, устал он, Кариша! Не может долго... – начала она, но тут же умолкла под его выразительным взглядом.

Провожая их, Карина подумала, что могла бы поделиться с дядей Альбертом тревогами и странностями последнего времени, рассказать о своих видениях. Он да Диана были единственными по-настоящему близкими ей людьми. Но старшая подруга в последнее время не вылезала из командировок, а волновать дядю Альберта, который только-только пошёл на поправку, было бы непростительным эгоизмом.

В ночь после поминок ей приснился отец. Она и раньше видела его во сне, но поутру никогда не могла вспомнить, как именно. Что он говорил? Что делал?

Однако этот сон запомнился отчётливо: он был яркий, цветной, очень реальный. Увидела себя она сидящей на кухне в старой квартире, хотя давно не вспоминала об их прежнем жилище. Было грустно: кругом пусто, пыльно, безжизненно, цветы в горшках высохли и завяли.

Карина встала с табуретки, собираясь уходить, но в это время всё вокруг стало на глазах преобразаться. Высохшие палки и ветки ожили и диковинным образом превратились в пышные сочно-зелёные растения. Кухня приобрела жилой и ухоженный вид. Даже занавески на окнах появились. «А ведь когда мама была жива, у нас в кухне висели именно эти голубые шторы!» – вспомнила она.

Но на этом сюрпризы не кончились. Вошёл папа! Она заплакала от счастья, бросилась к нему, стала обнимать. Целовала, гладила по волосам, никак не хотела отпускать от себя.

– Пап, как ты там? – то смеясь, то всхлипывая, спрашивала Карина.

– Отлично, дочь! – со своей неподражаемой интонацией отвечал отец. Он казался умиротворённым и спокойным.

– Смотри, как здесь хорошо! Ты что, теперь тут живёшь? – осенило её.

Он засмеялся и ничего не ответил.

– А есть жизнь после смерти? – вдруг сорвалось с языка.

– Ты же теперь и сама видишь, что есть.

– Пап, мне надо так много тебе рассказать! Ты же не уйдёшь?

– Не уйду, не уйду, говори!

Карина рассказала отцу всё, что так и не смогла поведать раньше. Торопясь и глотая слова, просила прощения, объясняла, почему ей так не нравится Азалия, жаловалась на то, как вдова ведёт себя сейчас. Папа задумчиво смотрел, внимательно слушал, кивал. А потом взял её лицо в ладони, глянул в глаза и сказал:

– Перестань об этом думать, дочь. Я давно всё знаю. И это не имеет никакого значения. Это не важно, понимаешь?

– Ты с мамой? – тихо спросила она.

– С мамой, – ответил он, – не волнуйся и не плачь.

Внезапно всё пропало, и Карина проснулась. Было серое, унылое утро. Будильник и не думал звенеть, на часах – шесть пятнадцать. Она повернулась на другой бок, закрыла глаза и принялась вспоминать свой удивительный сон.

Однако что-то мешало, что-то было не так. Окончательно стряхнув с себя ошметки сна, поняла: ладони были липкими и немного болели. Она выпростала их из-под одеяла и поднесла к глазам. Присмотревшись, не сдержалась и вскрикнула. Рывком откинула одеяло и села в кровати.

Руки были в крови. Бельё – наволочка, пододеяльник, простыня – тоже.

– Мамочка, – прошептала Карина, – что это?

Она ничего не понимала. Откуда столько крови? Спокойно, спокойно, видимо, просто порезалась. Но обо что?! Постаравшись не впадать в панику, сделала глубокий вдох и снова внимательно взглянула на свои израненные руки.

Они были сплошь покрыты ровными, довольно глубокими порезами. Горизонтальные полоски тонкой частой сеткой перечёркивали поверхность ладоней и спускались к запястьям. Карину замутило: похоже, была перерезана вена! «Успокойся, – приказала она себе, – порез совсем не глубокий!»

Но если бы рана была глубже, она могла истечь кровью и умереть во сне! Как такое могло случиться? Разве можно перерезать себе вены и не знать об этом? Что с ней творится, что?

Карина вскочила и помчалась в ванную. Захлопнула за собой дверь, принялась рыться в аптечке. Включила воду и стала смывать кровь с рук. Трясущимися непослушными руками

кое-как наложила повязку. Выпила две таблетки обезболивающего: ладони дёргало всё сильнее.

Минут через десять выползла из ванны, побрела к себе в комнату. Голова кружилась, ноги были слабыми и непослушными. Только бы Азалия не вышла!

Ничего, Бог миловал...

У себя она первым делом свернула комом и бросила в угол комнаты покрытое бурными пятнами бельё. Надо бы застирать холодной водой, когда мачеха уйдёт на работу. Карина села на кровать, посмотрела на свои наспех забинтованные руки и подумала: «А если эта дрянь пронюхает о том, что случилось?»

Хорошо, допустим, от неё и удастся скрыть. А в институте? Только-только забылась история в деканате, Ирка понемногу отошла от случая в кинотеатре. Хотя и сейчас нет-нет, да и глянет вопросительно, с опаской. А уж если заподозрит, что Карина пыталась покончить с собой!..

Она вскочила и закружила по комнате. Итак, что мы имеем? Комната была заперта изнутри на задвижку. Никто (речь, разумеется, шла об Азалии!) проникнуть сюда и изрезать ей руки не мог. Да и потом, она почувствовала бы боль! Несмотря на успокоительное, без которого уже просто не могла, спала Карина чутко.

Успокоительное... Может, это побочный эффект? Что-то вроде лунатизма? Она полезла в сумку, схватила инструкцию и стала вчитываться в мудрёные медицинские термины.

Не вызывает привыкания – ну, с этим можно и поспорить. Но продаётся без рецепта, ни в каких списках не значится. Нет, таблетки ни при чём. Хотя с ними пора заканчивать. Не хватало превратиться в наркоманку.

Идём дальше. Допустим, она порезала себе руки сама, во сне. Но тогда рядом с кроватью, или, по крайней мере, в комнате должен быть нож! Или бритва.

Карина опустила на четвереньки и стала внимательно осматривать пол возле кровати. Оглядела всю комнату, даже на полках и в шкафах посмотрела. Она была аккуратна, вещи не разбрасывала, всё всегда лежало на своих местах. И сегодня ничего не изменилось. Ножа или чего другого колюще-режущего не было.

Чертовщина. Абсурд. Карина посмотрела на часы. Скоро половина восьмого. Идти на работу в таком виде нельзя. Придётся что-нибудь придумать. Пусть порезы хоть немного заживут, чтобы можно было обходиться без повязки. А позже просто надо будет надевать кофточки с рукавами до кончиков пальцев. Авось, никто и не заметит.

Она услышала, как открылась и закрылась дверь в комнате Азалии. Мачеха проснулась и прошествовала в ванную. Загудела душевая кабина, послышался звук льющейся воды. Скоро она уйдёт, можно будет спокойно позвонить на кафедру и договориться о паре дней за свой счёт. Семён Сергеевич не откажет, нужно только повод придумать.

Её размышления прервал телефонный звонок. Звонили на городской. Аппараты были почти в каждой комнате, и Карина почти машинально сняла трубку.

– Да.

В первую минуту подумала: какой-то хулиган решил подшутить. В трубке слышались не то шорохи, не то всхлипы, не то сдавленный смех.

– Да? – нетерпеливо повторила она. – Кто это?

– Это Зоя Васильевна! – голос звучал незнакомо, неузнаваемо.

– Зоя Ва... Что случилось? Что-то с дядей Альбертом? Ему хуже?

– Кариша, – женщина, похоже, пыталась подавить подступающие рыдания, – Алик... Альберта больше нет.

– Как так – нет? – глупо переспросила Карина.

– Он умер. – Она перестала сдерживать слёзы и тихо, безутешно заплакала.

– Этого не может быть! Он не... Ему стало лучше! – отчаянно закричала Карина, убеждая и себя, и Зою Васильевну, что случившееся – нелепая ошибка.

Жена (вдова?!) дяди Альберта ничего не отвечала, только плакала. Так они и проливали бесполезные слёзы, каждая на своём конце телефонной линии, и ничего было не исправить.

– Алло! – громко и внятно произнёс женский голос. – Добрый день! Это Елена Васильевна. Сестра Зои. Вы меня слышите?

– Да, – придушённо отозвалась она. Нос был наглухо заложен.

– Он умер ночью, то есть вчера вечером. В полдвенадцатого. Видишь, как! Папе твоему сороковины, а он вот...

– Отчего умер? Сердце?

– Оно, – шумно вздохнула громогласная Елена Васильевна, – с Зоей прямо не знаю, что делать. У самой сердечко пошаливает.

– Когда похороны? Завтра? – Она знала, по мусульманским канонам усопшего полагалось хоронить по возможности быстро.

– Сегодня должны успеть. «Скорая» была, справки дали. Насчёт кладбища и остального – помощников хватает. Обо всём договорились. Часам в двенадцати подходи.

Попрощавшись, Карина аккуратно положила трубку на рычаг. Долго сидела, забыв убраться с телефона перевязанную руку, смотрела в одну точку. В дверь постучалась Азалия:

– Эй, ты там жива? – И прошла дальше по коридору.

Через некоторое время хлопнула входная дверь. Ключ звонко повернулся в замке. Азалия отбыла на службу.

Девушка вытерла слёзы, высморкалась. Встала и подошла к окну. Утро оставалось таким же хмурым и неприятным.

«Вот и не пришлось придумывать повод, чтобы на работу не ходить», – печально подумала она и отправилась в ванную наложить нормальную повязку. Начала разматывать бинт на левой ладони. Странно, но руки больше не ныли. Наверное, таблетки помогли. Кровь, похоже, удалось остановить: повязка ею не пропиталась. Вот и славно.

Размотав бинты до конца, Карина тупо уставилась на свои ладони. Что за ерунда?! Она нервно хихикнула и пошевелила пальцами. Неудивительно, что она не чувствовала боли: кисти рук были ровными и гладкими. Ни жутких ран на запястьях, ни следов от порезов на ладони, ни крови. Ничего!

Нервным движением она размотала повязку на левой руке, уже заранее зная, что следов утреннего суицидального кошмара не обнаружится и там. Как такое могло случиться? Как?! Карина обхватила голову руками и застонала. Это не могло ей почудиться! Просто не могло! Боль, кровь, порезы – всё было на самом деле!

Но куда подевалось?

Появление ран на руках выглядело бредом. Но ещё большим бредом стало их исчезновение. Ей подумалось: «Может, это стигматы?» Она читала об этом загадочном явлении, когда на телах людей, чаще всего, глубоко верующих, сами собой появляются, а потом прямо на глазах затягиваются болезненные кровоточащие раны. Символы страданий Иисуса. Например, у одной девочки были раны на кистях рук, ступнях и на боку, цепочка проколов тянулась по лбу, к тому же она плакала кровавыми слезами. Учёные объясняют это внушением, которому легко подвергаются эмоционально неустойчивые люди. Приняла близко к сердцу муки Христа на кресте – и вот они, раны от гвоздей, копы и тернового венца!

Но какое отношение к этому имеет она? Её и верующей можно назвать с большой натяжкой. Да и раны были иного свойства.

Вдруг её словно подбросило на месте. Бельё! Если ей ничего не померещилось, на нём должны остаться следы крови! Карина бросилась обратно в свою комнату. С размаху ударилась

локтем о косяк, взвыла от боли и, потирая многострадальную конечность, выволокла из угла ком белья.

Через пять минут, убедившись, что ни один сантиметр не ускользнул от её взгляда, сдалась. Простыня, наволочка и пододеяльник были чистыми. Кровавые разводы отсутствовали.

Получается, галлюцинации. Самые настоящие видения. Воображение у неё всегда было сильное, однако никаких отклонений и болезненных странностей не замечалось. Она даже во сне не разговаривала. Просто до зевоты скучная заурядность психики! Поэтому и большой поэт из неё не получится: для этого Карина слишком нормальна...

Девушка из всех сил пыталась скрыть смятение и страх, но получалось плохо. Сконцентрироваться, сообразить, что делать, не удавалось. Она с трудом сдерживала подступающую панику, прекрасно сознавая, что надолго её усилий не хватит.

Глава 11

В половине одиннадцатого Карина спустилась во двор и пошла к своей машине. Зарядил противный мелкий дождик. Похоже, надолго. Погода напоминала позднюю осень: голые деревья, сырость, серое небо, слякоть и грязные улицы.

Два часа назад она позвонила на работу, и, объяснив причину, попросила у Семёна Сергеевича дни за свой счёт. Он отреагировал, как она и предполагала.

«Незачем сидеть без денег, – решительно заявил профессор, – придёте и напишите заявление в счёт отпуска».

Сумму, которую получали лаборанты на кафедре, словом «деньги» можно назвать с натяжкой – Иркина любимая шутка. Однако забота Семёна Сергеевича тронула Карину, она поблагодарила и пообещала прийти.

Пискнула сигнализация, машина приветливо моргнула фарами. Девушка забралась внутрь и кинула сумку на соседнее сиденье. Посидела минутку, собираясь с мыслями, завела двигатель. Точнее, хотела завести, но не смогла. Автомобиль не реагировал. В технике Карина разбиралась слабо, но до этого дня «Фольксваген» никогда не подводил, так что особой нужды вникать в детали не было.

Карина вздохнула и вылезла из салона под дождь. «Что за день такой?» – тоскливо подумала она. Заглядывать под капот не имело смысла: всё равно ничего не поймёт.

– Что, соседка, не завелась? – раздался сбоку жизнерадостный голос.

Карина обернулась. Олег, сосед со второго этажа. Переехал в их дом пару лет назад. Разговорчивый парень быстро со всеми перезнакомился, да вдобавок успел жениться на дочери известного стоматолога Осипова, который жил этажом выше. Карина часто видела Олега: тот в любую погоду утром и вечером бродил по двору, выгуливая любимую таксу Альму. Сейчас, правда, был без собаки и направлялся к своему «Форду».

– Барахлит что-то.

– Погоди, гляну, – пообещал он. – Капот открой. Бензин-то не забыла залить?

Многие мужчины полагают, что женщина, садясь за руль, превращается в полную кретинку. Карина подавила раздражение (человек помощь предлагает, а мог бы и мимо пройти!), тоже выдавила из себя смешок и ответила, что не забыла.

Минут десять Олег что-то высматривал, трогал, изучал. Насупливал брови, бурчал под нос, почёсывал подбородок. Она, набросив капюшон, жалась рядом. Наконец, пожав плечами, вынес окончательный вердикт:

– С машинкой всё в порядке! Я, конечно, не автослесарь, но кое-что смыслю. Непонятно, почему не едет.

– Но ведь, если не едет, значит, что-то не так?

– По логике, да. Но я тебе говорю: нормально с ней всё. Должна ехать. Сходи в автомастерскую. Тут недалеко, через три дома. Знаешь, где?

– Знаю, – кивнула Карина. – Придётся, наверное, сходить.

– Пусть тоже глянут. Тебя, может, подвести? В какую сторону едешь?

Карина назвала улицу.

– Здесь недалеко. Шесть или семь остановок на автобусе. Доберусь, спасибо.

Настаивать он не стал, но предложил:

– Давай-ка хоть до остановки подброшу. Погода-то...

Отказываться было неудобно, да и мокнуть под дождём не хотелось. В салоне «Форда» душно пахло чем-то сладким. Она непроизвольно поморщилась, и Олег, заметив, пояснил:

– «Вонючку» новую взял. Запашок не айс, да? Не угадал! Башка от него трещит. Но не выкидывать же! Денег жалко!

Девушка улыбнулась в ответ, про себя удивляясь загадочности Олеговой души. Выходит, денег жальче, чем «башки»?

Сосед водил машину агрессивно: подрезал других, тормозил рывками и не обращал внимания на ограничения скорости. Хорошо, что не придётся долго с ним ехать. Уж лучше на автобусе.

Доставив пассажирку, он помахал ей, посигналил на прощание и умчался прочь, стремительно набирая скорость. К счастью, автобус подъехал быстро и был полупустым. Карина прошла в конец салона и села на самые последние сиденья, расположенные выше остальных. К ней сразу же заспешила пожилая кондукторша, нараспев произнеся традиционную мантру: «За проезд оплачиваем, кто вошёл!» Она вытащила кошелек, отсчитала нужную сумму, вложила её в смуглую ладонь и отвернулась к окну.

Некоторое время отрешённо смотрела на проплывающие мимо дома и ни о чём не думала. Какая-то непонятная душевная вялость: сейчас она даже не чувствовала боли от потери, хотя и была очень привязана к дяде Альберту. Наверное, то, что она испытала после смерти папы, приглушило остальные эмоции.

Однако дело было не только в этом. Существовали вещи, о которых стоило бы побеспокоиться. Но размышлять о них было страшно, и она старалась прогнать от себя мысли, запереть их в глубине сознания. Лучше уж бездумно пялиться в окно, чем искать ответ на вопрос, почему она вдруг стала грезить наяву.

Автобус остановился, Карину резко качнуло вперёд. В салон вошли сразу несколько человек. Более расторопные уселись на свободные сиденья. Те, кому не хватило места, уцепились за кожаные ремешки, и словно повисли в пространстве. Кондукторша резво сползла со своего наместа и поспешила к вновь прибывшим, творя по пути своё заклинание.

Она равнодушно следила за всеми этими перемещениями. На секунду сомкнула веки, а когда подняла, поймала на себе пристальный взгляд кондукторши. «Чего она хочет? Я же оплатила проезд». Карина отвела глаза, потом не выдержала и снова глянула на кондукторшу. Та упорно сверлила её взглядом. На голове у женщины была синяя вязаная шапка, губы обильно намазаны сиреневой помадой. Красивый оттенок не шёл ей, делал немолодое лицо кондукторши ещё более старым и блёклым. В позе её было нечто необычное, но девушка не могла сообразить, что именно. Тётка стояла возле кресла с надписью «Место кондуктора», возле средней двери. Крепко держалась за поручень, широко расставив ноги, чтобы не упасть.

«Голова! – поняла Карина. – Голова повернута не в ту сторону. Она не может смотреть на меня, если стоит вот так!» Некоторое время она глядела на женщину почти без эмоций. Олимпийское спокойствие, очевидно, было защитной реакцией и без того истерзанного мозга.

Но уже спустя пару секунд оборонная линия лопнула, и понимание того, что её насторожило в облике кондукторши, обвалилось на Карину. Она встречала в книгах выражение «похо-

лодеть от ужаса», но только в эту минуту поняла, что оно означает. Тело будто погрузили в ледяную воду, руки и ноги заоченели, и невозможно пошевелиться.

У кондукторши, обычной женщины в стареньком пуховике и разбитых сапогах, была свёрнута шея. Она стояла спиной к Карине, но при этом смотрела прямо на неё, вывернув голову на 180 градусов. Такого поворота не мог выдержать ни один живой человек! И тем не менее...

«Это очередная фантазия! На самом деле ничего нет!»

Она зажмурилась и попыталась убедить себя, что ничего не происходит. На какой-то жуткий миг ей показалось, что женщина с вывернутой шеей внезапно оказалась рядом, приблизив к ней лицо, и девушка распахнула глаза.

Ничего не изменилось. Кондукторша была там же. Теперь в её взгляде сквозила ухмылка. Карина осторожно покосилась на соседней слева и справа. Дамочка в голубом пальто увлечённо говорила по телефону, прикрывая рот ладошкой. Молодая пара миловалась, не замечая ничего вокруг.

Она снова перевела взгляд на кондукторшу: та стояла и смотрела. Вот только возле неё... Не сдержавшись, девушка ахнула.

Теперь в упор на Карину смотрели уже двое: к кондукторше присоединился мужчина средних лет. «Так не бывает! Мне просто кажется!» – беспомощно уговаривала себя она, а тем временем головы всех сидящих в салоне пассажиров стали медленно поворачиваться. Синхронность движений была настолько слаженной, что в какой-то момент она даже перестала бояться, просто наблюдала за этим.

Плечи оставались неподвижными, головы поворачивались бесшумно и плавно, и каждый, обернувшись, обращал взор на неё. Молодые и старые, красивые и не слишком симпатичные, мужчины и женщины, дети и подростки – они теперь буравили её взглядами. На разных лицах застыло одинаковое выражение злой радости. Как будто эти люди смеялись над ней, но при этом за что-то ненавидели.

А ещё, почувствовала Карина, они её хотели. Хотели забрать. Откуда взялось это понимание, и куда именно забрать, она понятия не имела.

Вместе с тем часть её сознания была убеждена, что в реальности ничего не происходит – только в воображении. На самом деле обычные люди едут по обычным делам.

Девушка стиснула кулаки и сжала челюсти. Нужно выбраться отсюда. Срочно. Она выйдет из автобуса и всё сразу прекратится. Набравшись храбрости, медленно поднялась с места. Спустилась на ступеньку ниже. Потом ещё на одну. Остановилась, вцепившись в поручень.

Внутри всё звенело от напряжения и страха. Казалось, плотоядно смотревшие существа становились ближе. Блестевшие злобным лукавством глаза таранились с вывернутых голов. Может, они выжидают момент, чтобы наброситься?

Справа от Карины была задняя дверь автобуса. Как только он сделает остановку, она будет готова выскочить.

– Сейчас выходите? – спросили сзади, и она едва не завопила от неожиданности. Обернулась и уставилась на парня, не в силах выдать ни звука. По-своему расценив Каринин ошарашенный вид и молчание, его подружка хихикнула:

– Нет, просто постоять решила! Чего спрашиваешь? Сам не видишь?

«Что со мной не так?!» Парень и его смешливая девчонка вели себя как ни чём не бывало. А она продолжала стоять под прицельным огнём нечеловеческих взглядов.

Прошла целая вечность, прежде чем автобус остановился. Ещё немного, и она бы не выдержала. Безумие было так близко, что до него можно дотянуться рукой. Соскользнуть, и больше никогда ни о чём не беспокоиться. На краткое мгновение даже захотелось испытать это состояние, но тут автобус затормозил.

Двери распахнулись, и Карина кинулась обратно в нормальный мир.

Когда автобус отъезжал от остановки, решила глянуть на окна и увидела в одном из них кондукторшу. Та энергично спорила с каким-то гражданином, размахивая руками и трясая головой, анатомически правильно сидящей на короткой шее. Сиреневый рот её открывался и закрывался, и сама она походила на рыбу в аквариуме. Вокруг сидели и стояли абсолютно нормальные люди. Автобус фыркнул и уехал. Через минуту его место занял другой. В него бодро устремились утомлённые ожиданием люди.

Она осталась стоять на месте. До нужной остановки не доехала, но это не имело значения. Карина сомневалась, что в ближайшее время рискнёт воспользоваться общественным транспортом.

Глава 12

Асaдовы жили в красном пятиэтажном доме с круглыми застеклёнными балкончиками, симпатичными башенками и подземной парковкой. Аккуратный двор с детской площадкой был обнесён ажурным кованым забором. В подъездах – горшки и кадки с живыми цветами, кодовые замки и вышколенные консьержи.

Один из них смерил Карину изучающим взглядом и холодно осведомился:

– Вы к кому, девушка?

Видок у неё и впрямь был тот ещё. Перчатки забыла в автобусе: сняла и, видимо, уронила – до них ли было? Сапоги грязные, на светлом пальто – бурые разводы: наверное, задела грязный бок автобуса, когда выпрыгивала из него.

– К Асaдовым. – Она постаралась ответить с достоинством. И добавила извиняющимся тоном: – Машина сломалась.

Консьерж смягчился: разумеется, он был в курсе кончины Асaдова. Должно быть, родственница. Горе у человека, а тут ещё и поломка автомобиля.

– Проходите, пожалуйста. Третий этаж, квартира...

– Спасибо, я знаю, – мягко перебила Карина. – Не беспокойтесь.

Народу было – не протолкнуться. Она хотела прийти пораньше, пока не собрались все желающие ехать на кладбище, но опоздала. Замерла в дверях, раздумывая, как подойти и попрощаться, не привлекая к себе лишнего внимания.

Из кухни вышла Зоя Васильевна. Лицо её было красным и словно скомканным от слёз. Сзади тенью шла Елена Васильевна, озабоченно поглядывая на сестру. Они были похожи друг на друга, но сейчас Зоя казалась высохшей, сморщившейся, будто из неё разом выкачали воздух, и осталась только оболочка.

Вдова увидела Карину и подошла. Ничего не говоря, обхватила руками и снова заплакала. Люди вокруг задвигались, завздохали. Кто-то громким шёпотом подтвердил: «Да-да, его дочка». Девушка осторожно обняла Зою Васильевну и, глядя поверх её плеча, одними губами спросила у Елены Васильевны:

– Можно попрощаться?

Та поняла, кивнула и, отстранив сестру от Карины, ласково, как маленького ребёнка, принялась её уговаривать:

– Зоинька, пойдём, моя золотая. Девочке надо проститься. Ты же знаешь, сейчас молиться будут, потом ему лицо закроют...

Елена Васильевна повела сестру вглубь квартиры, на ходу махнув рукой: иди, мол. Карина тихонько пошла в гостиную.

Покойный лежал на столе посреди комнаты. Вокруг него и вдоль стен стояли и сидели на стульях незнакомые ей люди. Она подошла ближе, боясь взглянуть в мёртвое лицо: было страшно увидеть, что сотворила с дядей Альбертом смерть.

Но опасения оказались напрасными. Казалось, он на минутку прикорнул и вот-вот должен проснуться. Лицо его было умиротворённым и даже благостным. Следы тяжкой болезни исчезли, морщины разгладились, щёки порозовели.

Папа был совсем не таким: выглядел измождённым, исстрадавшимся. Между бровей пролегла глубокая складка, лицо пожелтело, нос заострился. Губы плотно сжаты, как будто он хотел сказать что-то, но в последний момент передумал.

Она приблизилась к телу дяди Альберта и легонько погладила его. Наклонилась и поцеловала холодную щеку. Ей думалось, что плакать она не будет, но слёзы потекли, как только переступила порог комнаты. Карина выплакивала боль от потери дорогих ей людей, свою вину, обиды, страх перед будущим.

«Детка» – так называл её дядя Альберт. Сейчас она и вправду чувствовала себя маленькой девочкой, которая заблудилась и не знает, как поступить, у кого искать защиты.

Карину тронули за плечо, и она обернулась. Пожилой человек, наклонившись к её уху, тихо проговорил, что уже пора – ей нужно выйти из комнаты. Она кивнула и, бросив последний взгляд на тело дяди Альберта, сделала шаг к двери. Но так и застыла на месте.

Покойный смотрел на неё. Голова чуть повернута вбок, губы раздвинуты в подобии улыбки. Глаза широко открыты, и во взгляде столько ненависти, что у Карины зашлось сердце. Она никогда не видела у дяди Альберта такого взгляда. Он просто не способен был на столь мощное проявление злобы.

Она дико огляделась по сторонам: окружающие вели себя, как раньше. Никто не замечал того, что виделось ей. Пожилой мужчина, всё ещё стоя возле Карины, вопросительно смотрел – ждал, когда она покинет комнату. Остальные начали переглядываться, проявляя нетерпение: чего она застыла посреди комнаты? Карина и хотела бежать отсюда куда подальше, но взгляд покойного невидимой нитью тянулся к ней и удерживал на месте.

То, что она чувствовала в эти минуты, сложно было назвать страхом. За последние сутки девушка почти потеряла способность бояться и удивляться чему-либо. Ей казалось, что она одновременно существует в двух мирах – нормальном и зазеркальном, где возможно всякое, как в картине Сальвадора Дали, – и постепенно покидает этот мир, перемещаясь в тот. Её затягивало в нереальность, и сил для сопротивления оставалось совсем мало.

Почему так происходит? Возможно, потому, что иная, запредельная вселенная существует и по каким-то неведомым причинам иногда открывается избранным. А возможно потому, что Карина психически больна.

И то, и другое было ужасно.

– Послушайте, – обратился к ней другой мужчина, – мы понимаем ваше горе, но и вы должны понимать...

Он говорил, но она уже не слышала. Потому что в комнате раздался другой голос, хорошо знакомый, но сильно искажённый.

– Детка, детка, – проквало нечто, при жизни бывшее дядей Альбертом, – папаше-то привет передать? А уж он как ждёт, как ждёт... Мы оба ждём! Недолго осталось, совсем не долго!

Существо захихикало, закричало, завозилось в своём коконе. Руки двигались, силились выпутаться и дотянуться до Карины. Правая ладонь уже выпросталась и шевелилась, похожая на бледную рыбину. Голова чуть приподнялась, и изо рта потекла густая тёмная жидкость. Остро запахло гнилью.

Она почувствовала, как кто-то сзади ухватил её за локоть, и завопила, как никогда в жизни. Кричала, разрывая связки, а труп заходился мерзким хохотом, неуклюже приподнимаясь и усаживаясь на столе.

К счастью, сознание скоро покинуло её, и Карина провалилась в милосердную темноту.

Очнулась в незнакомой комнате. Пахло нашатырным спиртом, валерианой и ещё какими-то медикаментами. Приоткрыла глаза, но тут же закрыла снова. Интересно, где это она? Что произошло? Похоже, придётся вставать, хотя и не хочется: слабость нестерпимая. Будто вагоны разгружала.

Она облизнула губы и снова с трудом разлепила глаза. Возле окна сидела незнакомая пожилая женщина в очках и читала книгу. На ней было цветастое платье, кружевная шаль и чёрный платок.

Чёрный... Траурный... Карина вспомнила. О, Господи! Лучше бы и не приходила в себя. – Здравствуйте, – прошептала она, преодолевая боль в горле.

Женщина вскинулась, отложила книгу, засунув между страниц очки, и подошла к кровати.

– Проснулась? И слава Богу!

– Где я? Я... упала в обморок?

Женщина оказалась словоохотливой, и, не дожидаясь наводящих вопросов, подробно поведала, что произошло. Она соседка из двадцать шестой. Антонина Фёдоровна, можно тётя Тоня. Все уехали на кладбище, а её оставили присмотреть за Кариной, потому как той стало плохо. Зашла попрощаться с покойным, стояла-стояла себе, да вдруг закричала и упала.

Вызвали «скорую». Врачи сказали, глубокий обморок вызван шоком и потрясением. В этом месте соседка прервала рассказ и сочувственно вздохнула, давая понять: она в курсе, что девушка недавно похоронила отца.

Врачи укол сделали да уехали. Сказали: «Отдыхать надо. Не нервничать». «Да уж, – усмехнулась про себя Карина, – не нервничать сейчас легче лёгкого».

– Спасибо вам. Домой пойду. – Она попробовала сесть. Голова слегка кружилась, тело немного ломило. Лицо горело, как при высокой температуре.

– Да у тебя жар! – Тётя Тоня положила руку ей на лоб. – Точно! Горишь вся!

– Простыла, наверное, – пробормотала девушка. – Ничего, отлежусь.

– Как домой-то доберёшься?

Правда – как? Она нынче безлошадная. При мысли об автобусе её передёрнуло.

– Ничего, такси вызову.

– Такси! Погоди, внуку скажу. Всё одно дома сидит!

Внук оказался парнем общительным и разговорчивым. Наверное, в бабушку. Всю дорогу развлекал пассажирку рассказами о последней сданной сессии. Говоря о своих подвигах, бурно жестикулировал и вертелся, мало обращая внимания на дорогу. Карина вежливо улыбалась и время от времени вставляла «Надо же!» или «Здорово!» В руках сжимала сумку и пол-литровую банку малинового варенья, которая туда не поместилась.

– Пропотеешь – и утром как огурчик! – пообещала добрая тётя Тоня.

Прежде чем идти к себе, девушка решила заглянуть к Диане. Вдруг та вернулась из командировки? Долго звонила в знакомую дверь, но никто так и не открыл.

Едва переступив порог, Карина напоролась на Азалию. Мачеха стояла, скрестив руки на груди, и насмешливо смотрела на Карину.

– Как похороны? Чего такая растрёпанная?

Карина молча сняла сапоги и прошла мимо неё на кухню. Сунула в холодильник банку с вареньем, закинула в комнату сумку и направилась в ванную. Температура-не температура, но без душа никак. Смыть с себя этот чудовищный день! А там уж и чай, и малина, и аспирин в придачу.

Легла она рано, ещё и десяти не было, и мгновенно заснула. Глубокой ночью, в третьем часу, внезапно пробудилась, как от толчка. Открыла глаза и уставилась в темноту. Голова была ясная, озноб прошёл.

Что-то её беспокоило... Это «что-то» имело огромное значение и многое объясняло. Во сне Карина поняла какую-то важную вещь, а пробудившись, не могла сообразить, какую, и с досады стукнула кулаком по подушке.

Помассировала пальцами виски и постаралась воскресить в памяти сон, но ничего не вышло. Мысль ускользнула, оставив после себя раздражающее ощущение недосказанности. Промучившись некоторое время, она снова уснула, а когда проснулась, было почти одиннадцать. В доме тишина: Азалия уже на работе. Ей бы тоже надо съездить в институт, написать заявление. И машину на ремонт загнать.

Однако автомобиль ремонтировать не потребовалось. Девушка на всякий случай попробовала завести двигатель, и машина послушно тронулась с места. «Что вчера случилось?» – почти безразлично подумала она. Слишком много в последнее время вопросов, на которые нет ответов.

На кафедре её встретили радушно, но настороженно. Коллеги исподтишка поглядывали на Карину, а когда замечали ответный взгляд, поспешно отводили глаза. В брошенных украдкой взорах читались жалость и вроде бы испуг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.